

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«**Челябинский государственный университет**»
(ФГБОУ ВО «ЧелГУ»)

Костанайский филиал

А.М. Кусаинова

**ТЕМА ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ТВОРЧЕСТВЕ
ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА**

Монография

Костанай, 2020

УДК 821.0(574)
ББК 83.3(5Каз-Рус)
К 94

Рекомендовано Ученым советом
Костанайского филиала Челябинского государственного университета

Рецензенты:

Радчук О.А. – КРУ им. А. Байтурсынова, кандидат филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков НАО Костанайский региональный университет имени А. Байтурсынова

Кадралинова М.Т. – доктор филологических наук, заведующий кафедрой Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Кусаинова А.М.

К94 Тема детства в современной литературе и творчестве Герольда Бельгера: Монография. – Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», 2020. – 86 с.

ISBN 978-601-343-576-3

Представленная монография рекомендуется для студентов направления подготовки Филология. Предлагаемый в данном исследовании подход носит историко-литературный характер и предусматривает изучение творчества известных казахстанских и русских авторов в контексте современного литературного процесса.

На обложке: Дети войны. 1984 г., Гугель Адольф Самойлович (1915-1999 гг.).

УДК 821.0(574)
ББК 83.3(5Каз-Рус)

ISBN 978-601-343-576-3

© Кусаинова А.М., 2020
© Костанайский филиал ФГБОУ ВО
«Челябинский государственный университет», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1 Отражение темы военного детства в творчестве писателей XX века.....	7
1.1 Война и дети в повести А.И. Приставкина «Ночевала тучка золотая»	7
1.2 Военное детство как отражение времени в повести А.А. Лиханова «Последние холода».....	12
1.3 Обращение к теме детства в прозе В.П. Астафьева и В.Г. Распутина.....	15
1.4 Тема становления молодого поколения в творчестве современных авторов.....	19
Глава 2 Особенности отражения темы военного детства в творчестве Герольда Бельгера	27
2.1 Становление характера Гарри в повестях Герольда Бельгера «Перед далью» и «Завтра будет солнце»	27
2.2 Тема военного детства в произведениях Герольда Бельгера «Дождь со снегом» и «Дом скитальца».....	40
2.3 Духовная переключка в отражении темы детства в произведениях Ибрая Алтынсарина и Герольда Бельгера.....	46
2.4 Осознание юными героями произведений Герольда Бельгера своего места во времени и пространстве	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
ГЛОССАРИЙ.....	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	79
ПРИЛОЖЕНИЕ А	83

ВВЕДЕНИЕ

Предметом исследования данной монографии является современная литература XX века, в которой в настоящее время тема детства продолжает активно развиваться и получает особую значимость.

В наши дни современные литературоведы всё чаще обращаются к теме детства и изучению особенностей внутреннего мира ребенка, его чувств, переживаний и размышлений.

Монография призвана систематизировать полученные знания об особенностях рассмотрения темы детства в произведениях современных авторов и в, частности, в творчестве Герольда Бельгера.

Тема исследования определяет и его актуальность: тема детства является одной из ведущих, универсальных и ключевых тем литературы. Она имеет отношение к вечным общечеловеческим категориям и общефилософским понятиям, связанным с рождением, жизнью и смертью человека. Тема детства не ограничивается рамками какой-либо конкретной исторической эпохи или отдельно взятого народа, но в то же время внимание исследователей также привлечено к жанровой специфике подобных произведений, представленных различными национальными литературами. Автором монографии предпринята попытка провести анализ темы детства на материале современной прозы русских и казахстанских писателей.

И.С. Кон в работе «Ребенок и общество», впервые изданной в 1988 году, исследовал феномен детства в аспекте культурологии: «Мир детства – неотъемлемая часть образа жизни и культуры любого отдельно взятого народа и человечества в целом. Общество не может познать себя, не поняв закономерностей своего детства, и оно не может понять мир детства, не зная истории и особенностей взрослой культуры» [46, с. 6]. В своих научных трудах на эту тему он писал, что каждая новая историческая эпоха создаёт новый, неповторимый образ детства.

Тема детства освещалась в культуре и литературе XVI-XVII веков, продолжалась в эпоху Просвещения, но более полное обращение к данной теме связывают со второй половиной XVIII- началом XIX века, когда в мировой литературе начинают появляться сентиментально-романтические произведения.

По мнению большинства исследователей, для XVIII в. характерно «зарождение нового образа детства, рост интереса к ребенку во всех сферах культуры, более четкое различие, хронологически и сознательно, детского и взрослого миров и, наконец, признание за детством социальной и психологической ценности». Именно в этот период начинает издаваться литература для детей. В самом начале формирования данная тема была объектом поэзии, а позже становится и предметом пристального внимания прозы, подчёркивая важную роль образования и воспитания в жизни детей, на склонность ребенка к проявлению творческих способностей («Эмиль», или о воспитании» Ж.-Ж. Руссо и др.). Представители рационалистической школы практически не воспринимали всерьез природу ребенка как самостоятельной взрослой личности.

Именно представители литературы романтизма воспринимали и представляли в своем творчестве период детства как особенно ценный, неповторимый и прекрасный мир, показывая его совершенно идеальным временем жизни человека. Г.-Х. Андерсен, братья Гримм и др. авторы того времени в своих произведениях обращались к устному народному творчеству.

Согласно современным исследованиям, в литературе и культуре эпохи романтизма, в середине XIX века, в 1850-х гг., образ ребенка и образ детства занимают одно из главных мест.

Так, исследователи М. Эпштейн и Е. Юкина в статье «Образы детства» (1979 г.) обратились к особенностям отражения темы детства в произведениях художественной литературы Франции, Германии, Америки и России эпохи классицизма, Просвещения и романтизма. В русской литературе они выделили появление многостороннего образа детства в прозе Л.Н. Толстого. Одними из известных произведений того времени явились трилогия «Детство. Отрочество. Юность» Л.Н. Толстого и повесть «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова, для которых характерны черты автобиографизма, обращение к внутреннему миру ребёнка, глубокий психологизм. Теме детства в этот период были посвящены также произведения Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова.

В начале XX века к теме детства обращается в романе «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунин. Детство является особым периодом жизни каждого человека. Детство – сквозная тема всей мировой литературы, тема, к которой равнодушным не оставался, пожалуй, ни один русский писатель или поэт.

«Будущее человечества», – так называет детей один из героев произведений Ф.М. Достоевского. Каким может предстать завтра это будущее человечества, во многом зависит от духовно зрелой любви к детям, основанной на понимании своеобразия их внутреннего мира и на способности чему-то научиться у них. Об этой способности, заставляющей самосовершенствоваться людей, задумывались проницательные психологи, писатели.

Тема детства является одной из центральных тем в творчестве русских писателей с 18 по 21 век. Ребенок не дает возобладать злу, возвращает к высшим ценностям бытия, восстанавливает сердечную теплоту любви и веры. К теме детства обращались такие выдающиеся мастера, как А.П. Чехов, С.Т. Аксаков, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко, И.А. Бунин и многие другие авторы.

«Дети учат нас многому и делают лучшими уже одним только нашим соприкосновением с ними, они очеловечивают нашу душу одним только своим появлением между нами», – отмечал в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский.

«Память детства, проверка жизни детством необходимы искусству. Поэтому писателю так важно ухватить уплывающее детство; оживит его так, чтобы вместе с ним войти в любой дом, куда входил, чтобы видеть лица, жесты, услышать голоса тех, кого видел и слышал», – пишет по этому поводу Н.И. Павлова [56, с. 6].

Детство представляется писателями как пора невинности и чистоты. Дети несравненно нравственнее взрослых. Они не лгут (пока их не доведут до этого страхом), они сближаются со сверстниками, не спрашивая, богат ли он, ровен

ли им по происхождению. У детей нужно учиться пониманию истинного добра и правды. Тема детства постоянно присутствует в творчестве писателей. Семья всегда была в русской литературе прообразом народной жизни.

Тема детей и войны является одной из самых малоисследованных в истории, и это не случайно: сражения, битвы и ратные подвиги испокон веку считались уделом взрослых мужчин. Детям предназначалось иное: учиться, играть, а ещё помогать по дому. Война – это страшное зло, искалечившее не только жизни взрослых людей, но и лишившее детства самую юную часть населения нашей страны.

В современной детской литературе появились проникновенные художественные произведения, с пронзительной достоверностью рассказывающие о непростых судьбах детей военного времени.

Горькую чашу пришлось испить детям в годы Великой Отечественной войны. Война лишила их детства, искалечила судьбы, многих из них осиротила. В этой связи важным нам представляется рассмотрение отражения мира детства в художественной литературе, поскольку она выражает духовные настроения всего общества и наиболее ярко характеризует наличие морально-этических ценностей цивилизованного мира.

Каждый год становится всё меньше и меньше тех, кто имел непосредственное отношение к военным действиям, тех, кто участвовал в боях, трудился на благо победы в тылу. Но живы ещё другие свидетели войны, те, кто в военные годы были детьми.

У детей войны разные судьбы, но всех их объединяет общая трагедия, невозможная потеря прекрасного мира детства. Не в срок повзрослевшие, не по годам мудрые и невероятно стойкие маленькие герои противостояли войне.

Их патриотизм во время Великой Отечественной войны, трудовые подвиги и отчаянная храбрость навсегда останутся в памяти нашего народа. Сегодня многие ветераны войны – это и есть те ребята, которые пережили годы бомбежек, голода и страха. Со слезами на глазах они вспоминают свое военное детство, и, несмотря на то, что некоторые моменты уже стерлись из памяти, тот период они запомнили на всю жизнь и вряд ли забудут. Они могут рассказать нам про свою войну, какой они её знают и помнят.

Нынешнее поколение имеет возможность прикоснуться к Великой Отечественной войне, слушая рассказы не только о боевых, но и о трудовых подвигах в воспоминаниях живых свидетелей того времени.

Тема детства является одной из ключевых проблем современного литературоведения, так как детство – главный период формирования личности человека, который определяет его будущее. В то же время одной из характерных черт современного литературоведения является изучение межнациональных литературных взаимоотношений, стремление к сравнительно-историческому анализу тем, образов, жанров национальных литератур.

В монографии рассматривается литературный образ детства на материале прозы известного казахстанского писателя Герольда Бельгера, в частности, особенности раскрытия темы военного детства в его произведениях.

Глава 1 Отражение темы военного детства в творчестве писателей XX века

1.1 Война и дети в повести А.И. Приставкина «Ночевала тучка золотая»

Тема детства в литературе – одна из вечных тем. Отражение мира детства в художественной литературе имеет особое значение, потому что оно показывает духовное настроение общества и наиболее ярко характеризует морально-этические ценности цивилизованного мира ребенок-герой детской книги, мир его представлений, чувств, процесс его взросления, вопросы детской психологии, и наконец, детство как особый период в жизни человека, который определяет будущее.

Во второй половине XIX века детство как лирическая тема, открытая в творчестве Шишкова, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, получила окончательное утверждение. «При этом божественные, ангельские черты в образе ребенка сменяются чертами сугубо реалистическими, хотя образ ребенка не утрачивает своей идеальности. Если поэты первой половины века видели в ребенке идеал современной им эпохи, который сходит на нет по мере взросления, то в восприятии их поздних преемников ребенок идеален в смысле его будущих деяний на благо общества» [65, с. 174].

В России образ детства наделяется глубокой значимостью у писателя М.Ю. Лермонтова. Он высказывает мысль о том, что детство представляется зыбким цветущим островом посреди пустынного моря жизни. Пушкин же в свою очередь относится к детству, так же как и к старости, как просто к моменту в круговороте времен.

Тема детства вошла в русскую литературу как признак интенсивного самосознания личности и всего общества в целом. Писатели XIX века до Л.Н. Толстого, как правило, ориентировались на тип взрослого человека с его устойчивой, сформированной индивидуальностью. Л.Н. Толстой первый, кто обратил свой взор к детству, в это период развития литературы.

Свои мысли по поводу образа ребенка Л.Н. Толстой отразил в произведении «Детство. Отрочество. Юность». Он показывает внутреннюю подвижность чувств, резкие переходы от отрицания к утверждению, от целого к частному, которые являются типичной чертой ребенка в его представлении. Детство, а вслед за ним и сам ребенок, не подчиняется определенным правилам и одной линии, оно живет многомерно, разнонаправлено, вгрызаясь во все, с чем оно соприкасается. Детство и ребенок, по словам Е.В. Улыбиной, «это океан, на поверхности которого плавают островки взрослого сознания». Л.Н. Толстой изображает развитие рефлексии и морального сознания ребенка.

М. Эпштейн и Е. Юкина, описывая образы детства, констатируют, что «только романтизм почувствовал детство не как служебно-подготовительную фазу возрастного развития, но как драгоценный мир в себе, глубина и прелесть которого притягивает взрослых людей.

Все отношения между возрастaми как бы перевернулись в романтической психологии и эстетике: если раньше детство воспринималось как недостаточная степень развития, то теперь, напротив, взрослость предстала как ущербная пора, утратившая непосредственность и чистоту детства» [65, с. 242].

Коренной переворот, произведенный романтиками, не только определил новые формы литературы для детей, но и ввел тему детства в литературу для взрослых. В русскую литературу тема детства вошла «как признак интенсивного самосознания личности и нации, отделившихся от своих стихийных, бессознательных истоков и обернувшихся к ним» [65, с. 243].

Во второй половине XIX века детство как лирическая тема, открытая в творчестве Шишкова, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, получила окончательное утверждение. «При этом божественные, ангельские черты в образе ребенка сменяются чертами сугубо реалистическими, хотя образ ребенка не утрачивает своей идеальности. Если поэты первой половины века видели в ребенке идеал современной им эпохи, который сходит на нет по мере взросления, то в восприятии их поздних преемников ребенок идеален в смысле его будущих деяний на благо общества» [65, с. 242].

Но каждый новый образ ребенка – не просто этап углубления художественного познания детства, но и специфический вид социальной проекции, отражение чаяний и разочарований взрослых. Многомерность и разнообразие детских образов в литературе или портретной живописи отражают не только прогресс художественного познания и различия индивидуальностей авторов, но и изменения в реальном содержании детства и его символизации в культуре.

С. Цвейг писал: «...Наш духовный мир складывается, как из миллионов монад, из отдельных впечатлений, коих наименьшую часть составляет лично увиденное и пережитое, а всем прочим – основной массой – мы обязаны книгам, прочитанному, воспринятому, изученному» [4, с. 8].

Система представлений, отраженная в книге, реально активно формирует как образ мира, так и образ ребенка. Образ в книге сам становится второй реальностью, подчас более реальной, чем сама реальность. И поскольку книга – это неопредельное расширение связей субъекта социального действия с миром, то чем более открывается книга для личности, тем богаче становится ее личностный образ мира.

Б.Ф. Ломов выделял в построении образа роль слова и определял его формирующую роль через художественную литературу. При помощи слова писатель рисует живую картину, которая потом воссоздается читателем. Так, например, при чтении описаний степи в произведениях М.А. Шолохова возникают не только яркие зрительные образы, но и воссоздаются звуки и запахи.

Строя свой образ мира, человек не может хотя бы в минимальной степени не быть включенным в процесс обучения тому образу мира, который характерен для его социума, потому что книга есть опредмеченная потребность в адекватной включенности в нормативные общественные и личные нравственные отношения. Книга является значимым фактором не только в

структурировании, но и в характере созидания образа мира и образа ребенка и их особенностей [65, с. 243].

В 40-50 годы события Великой Отечественной войны и послевоенное восстановление страны определили весь строй жизни и всю культуру этого времени. Многие поэты создавали в своих стихах образы детей, лишенных войной детства, страдающих, погибающих от голода и обстрелов. Эти детские образы «становились символами самой жизни, уничтожаемой войной» (А. Ахматова «Памяти Вали», 1942).

В стихах и прозе поздних военных лет часто появляется образ ребенка-мстителя (З. Александрова «Партизан», 1944). Подросток – труженик тыла появился в годы войны прежде всего в поэзии (С. Михалков, А. Барто). В прозе такой образ впервые был создан Л. Пантелеевым. Участие детей в восстановлении хозяйства, разрушенного войной, также находит отражение в творчестве многих писателей. «Труд, семья и школа становятся в послевоенный период ведущими темами» [65].

Великая Отечественная война покалечила тысячи и тысячи человеческих судеб, не щадя никого: ни женщин, ни стариков, ни детей. Война лишила детей детства, обрушилась на них тяжким грузом, колоссальным потрясением, травмировав их неокрепшие души. Начинающие только жить, они вынуждены были слишком рано взрослеть, принимать на свои неокрепшие плечи все тяготы военного времени.

Поколение военных мальчишек оказалось тем поколением подростков, которые на другой день войны шагнули сразу из мира детства в пучину военной жизни, в многострадальную тыловую действительность, потребовавшую от них далеко не детской зрелости и мужества. Именно это поколение мальчишек и девчонок наравне со взрослыми гибло под снарядами и бомбами, умирало от голода и холода, отдавало все свои силы для Победы. Оно отстояло и победило в этой жестокой войне. Память о своем суровом военном детстве пронесли они через всю жизнь, оставив подрастающему поколению документальные рассказы и воспоминания.

В современной детской литературе появились и проникновенные художественные произведения, с пронзительной достоверностью рассказывающие о непростых судьбах детей военного времени. Горькую чашу пришлось испить детям в годы Великой Отечественной войны. Война лишила их детства, искалечила судьбы, многих из них – осиротила.

Теме сурового военного детства посвятили свои произведения многие российские писатели, прошедшие через войну, через тяжелые испытания.

Так, герой рассказа Валентина Распутина «Уроки французского» деревенский парнишка, живя самостоятельно в чужом доме, испытывая голод и нужду, встречает надежного старшего друга, который помогает ему в трудные минуты жизни. Получив урок человеческой доброты, участия и понимания он верит, что совсем скоро «наступит для всех счастливое время».

Далеко-далеко от фронта, в сибирской деревне происходят события повести Виктора Астафьева «Где-то гремит война». Здесь не гремят выстрелы, не гибнут солдаты, но жестокое эхо войны отзывается в далекой Сибири. Для

семнадцатилетнего парнишки Витьки Потылицына война проявилась по-своему: в обучении профессии, необходимой фронту; в пайке хлеба весом 250 грамм; в похоронке, пришедшей его родной тетке Августе.

Получив из дома тревожное письмо, он возвращается в родное село, где воочию видит страшное горе, что принесла народу война. Но сила человеческой доброты, участия, отзывчивости помогает людям выжить в эти тяжелые дни. И Витька Потылицын открывает для себя очень простую истину: с людьми, с родными и близкими, и горе – с полгоря, и радость вдвое.

Окончательно сформировал литературную традицию, в русле которой разрабатываются представления о детях – участниках, героях и жертвах глобальных цивилизационных процессов А. Приставкин в своей повести «Ночевала тучка золотая» (1987) [57].

Широкую известность Анатолию Приставкину принесла опубликованная в 1987 году повесть «Ночевала тучка золотая», затрагивающая тему депортации чеченского народа в 1944 г. В своём произведении автор пытается откровенно сказать о том, что пережил сам, и что больно обожгло его нервы, что мир не достоин существования, если он убивает детей.

Главные герои повести, Сашка и Колька Кузьмины, воспитанники детского дома. Они отправляются на Северный Кавказ, где впоследствии оказываются втянутыми в страшные, трагические регии массового переселения северокавказских народов, предпринятое в нашей стране в 1943-1944 гг.

Вот как начинается описание мальчиков в повести: «...*Братьев звали Кузьмёныши, им было по одиннадцать лет, и жили они в подмосковном детдоме. Там жизнь ребят кружилась вокруг найденной мёрзлой картофелинки, гнилых картофельных очистков и, как вершины желания и мечты, хлебной корочки, чтобы только лишь просуществовать, чтобы у судьбы лишний военный день*» [57, с. 2].

В начале повести директор детского дома предлагает братьям ехать на Кавказ, только что освобождённый от немцев. Естественно парней манили приключения, и они не упустили такой возможности. Вскоре братья едут через войну и вконец разрушенную и не успевшую ещё подняться после фашистских набегов землю на удивительном, безумно весёлом поезде.

В дороге братьев-близнецов на Кавказ состоялась странная, зловещая встреча – на соседних путях на одной из станций обнаружил Колька Кузьмёныш вагоны. Из зарешёченных окошек смотрели детские черноглазые лица, тянулись руки, слышались непонятные крики. Колька, не поняв толком, что просят попить, протягивает кому-то ягоды терновника. Описание рвущейся на части детской души проходит через всю повесть.

В военные годы голод настигал и детей, и взрослых, но для таких, как Кузьмёныши, детдомовских сирот, еда была главной доминантой жизни. Голод движет поступками братьев, толкает их на воровство, на отчаянные и хитроумные поступки, обостряет чувства и воображение.

Кузьмёнышам трудно было разобраться в том, что происходило вокруг, чему они оказались очевидцами. Когда случилось с Колькой самое страшное

(увидел он брата убитого, повешенного за подмышки на острия забора, и от потрясения заболел), то место Сашки занял такой же одиннадцатилетний сирота Алхузор – чеченец.

Колька называет его свои братом сначала, чтобы спасти от русских солдат, а потом по более глубокому чувству, когда Алхузор спас Кольку от направленного на него чеченского ружья. Это братство детей и возносит Анатолий Приставкин.

Основной лейтмотив произведения – дружба одиноких детей, которым отовсюду грозит опасность, но которые всеми силами защищают своё право на любовь и привязанность. Колька и Алхузор не одни такие были в детприёмнике, куда их доставили, подобрав полумёртвыми в горах. Там уже жили и крымский татарин Муса, и немка Лида Гросс, и ногаец Бальбек.

У всех у них была общая – горькая и страшная – доля. Дети-детдомовцы, войной заброшенные в далёкие от их родных мест кавказские края, трагически сталкиваются с тем, что понять, взять в толк они не в состоянии – с попыткой тоталитарной системы истребить жизнь целых народов. Вот что «красной нитью» проходит через повесть.

«Ночевала тучка золотая» – это повесть, в которой постоянно голодные, оборванные, не знающие тепла и домашнего уюта мальчишки на собственном горчайшем опыте познают цену жестокой социальной несправедливости. Они познают уроки душевной теплоты, чёрной человеческой ненависти и нечаянного милосердия, жестокости и великого духовного братства. История Томилинского детского дома – лишь малая часть этого трагического и бесчеловечного процесса. Но и в таких жестоких условиях колонисты получали уроки вечных ценностей: нравственности, добра, справедливости, сострадания [37, с. 15].

Главные герои повести, Сашка и Колька Кузьмины, проходят через множество приключений и трудностей. В них – беспризорных детях – проявляются черты раннего взросления, столь свойственного всему поколению детей войны 1940-х годов, столкнувшихся с совсем не детскими проблемами. Повесть оставляет ощущение нерасторжимого единства ребёнка с взрослым морем. В своей повести Анатолий Приставкин пытается показать, что война и всё, что с ней связано, не поросли быльём, она осталась в сердцах выживших повзрослевших детей, и об этом надо помнить всегда.

Высказав правду, оголив её во всём ужасном обличье, писатель, возможно, снял часть груза с души собственной, но души читательские точно не облегчил. Хотя в этом и есть весь А. Приставкин. По мнению писателя, смысл настоящей литературы – не усладить слух, а всячески призвать читателя подумать, прочувствовать, сострадать делать выводы.

Беспризорный, исковерканный мир детей военной поры предстает перед нами в повести Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая». Главные ее герои – одиннадцатилетние братья-близнецы Кузьменьши жили в подмосковном детдоме, где *«вся напряженная жизнь ребят складывалась вокруг мерзлой картофелины, картофельных очистков и, как верха желания и мечты, – корочки хлеба, чтобы просуществовать, чтобы выжить один*

только лишний военный день» [57, с. 8]. День за днем Кузьменыши постигают тяжелую науку выживания, учатся бороться за свое существование.

Судьба закидывает их в далекие от родных мест кавказские края, где братья трагически сталкиваются со сталинской политикой уничтожения чеченского народа. Кузьменьям трудно разобраться в том, что происходило вокруг, чему они оказались свидетелями. В пламени репрессий «предателей-чеченов» гибнут их души, их вера и надежда на счастливую жизнь.

Пройдя через самое страшное – смерть своего брата-близнеца – Колька, обезумевший от горя, вдруг приходит к осмыслению происходящих событий. Обращаясь к воображаемому чеченцу, убившему его брата Сашку, он произносит очень важные слова: *«Ты нас с Сашкой убил, а солдаты пришли, тебя убьют... А ты солдат станешь убивать, и все: и они, и ты – погибнете. А разве не лучше было то, чтобы ты жил, и они жили, и мы с Сашкой тоже, чтоб жили?»* [57, с. 197].

В память о тех мальчишках – сражавшихся, страдавших и выстоявших – написал Анатолий Приставкин эту пронзительную по достоверности повесть.

1.2 Военное детство как отражение времени в повести А.А. Лиханова «Последние холода»

Альберт Лиханов написал ряд замечательных произведений о военном детстве. Военная тема в творчестве писателя приобретает особую значимость и органичность, потому что воплотила в себе его представления о жизненных ценностях, о чести, долге, подвиге, о человеческом достоинстве. Произведения о военном детстве созданы писателем на жизненной основе – памяти о своём детстве.

«Люди не выбирают родителей, люди не выбирают и детства. Наше детство пришлось на войну, и нас прозвали детьми войны», – так написал о своем поколении Альберт Лиханов, в судьбе которого война оставила глубокий след [4]. Тема военного детства волнующе звучит в произведениях писателя, вошедших в книгу «Русские мальчишки».

С таким «русским мальчиком» по имени Колька знакомит нас Альберт Лиханов в повестях «Крутые горы», «Музыка», «Деревянные кони», объединенных в единую трилогию.

Встречаемся мы с Колькой в первый день войны, когда он, шестилетний мальчишка, не мог еще постигнуть весь трагизм происходящих событий, а расстаемся после Победы, в конце 1946 года. На наших глазах герой вырастает из несмышленного малыша в личность, способную принимать самостоятельные и трудные решения.

Одно из наиболее драматических произведений о военном детстве – повесть «Последние холода». Эта повесть о тяжких испытаниях, которые пришлось вынести детям во время войны. История рассказана от первого лица. От лица того мальчика, который спустя десятилетия смог взглянуть на пережитое глазами взрослого человека, а затем рассказать своим читателям о

героизме и храбрости. На многое были способны эти дети в самые страшные мгновения своей жизни.

В начале повести автор обращается к воспоминаниям о своих первых школьных годах. С любовью и уважением рассказывает о первой учительнице. Самый яркий образ, который остаётся в сердце героя, Анна Николаевна – учительница младших классов. Уроки арифметики, русского языка и географии она совмещала с мудрыми уроками жизни, которые порою, как будто задумавшись о чём-то, преподносила своим ученикам в ненавязчивой форме. *«В учении нельзя обманывать себя. Учителю можно солгать, себе – никогда»*, – произносила она вдруг тихо, словно разговаривала сама с собой [50, с. 29].

Главного героя произведения зовут Коля. Действие происходит в небольшом городе, в глубоком тылу. Дети здесь, несмотря ни на что, продолжают ходить в школу, матери – на работу. Отцы где-то далеко сражаются с врагом. Но в действительности война повсюду, даже там, где нет сражений и битв.

«Последние холода» – история о решающих битвах за родину, которые вели не только отважные солдаты на передовой, но и мирные жители в тылу. В этом период из радиоприёмников повсюду разносился голос диктора Левитана, который торжественно объявляет об очередной победе.

Но голод и болезни подорвали здоровье людей. Особенно тяжело лишения переносят подростки и дети. Главному персонажу, как и прочим школьникам в этом тыловом городе, полагаются талоны на питание. Мать и бабушка делают всё для того, чтобы мальчик не испытывал чувства голода. Но ощущение несытости все же его не покидает.

С большой достоверностью изображает тыловой быт писатель Лиханов. «Последние холода» – это, прежде всего, тяжёлые условия, в которых находятся дети. Описанию столовой, в которой мальчик получает дополнительное питание, отводится огромное внимание. Рацион этот, как выражается автор, был действительно дополнительным.

Основным его назвать было нельзя. Кислые щи, безвкусная овсянка – такая пища не радовала Колю. Хотя уже в первый день посещения столовой он заметил, что у детей здесь установилось своеобразное отношение к еде. Они ели быстро, с аппетитом и весьма уважительно относились в тётке Груне – местной раздатчице. Доедать невкусный обед Колю приучала мать. И даже в этой холодной столовой он силился проглотить липкую неаппетитную овсяную массу в силу воспитания.

Он вырос среди близких, любящих людей. Но есть на свете дети с более сложной судьбой, чем те, о чём в своём произведении и повествует Альберт Лиханов. Повесть «Последние холода» позволяет осознать тяжесть невзгод, обрушившихся на детское сознание и является также произведением о судьбах детей, которые даже на военном фоне кажутся чрезвычайно трагическими.

Шакалы – так называли в этом тыловом городе детей, которые испытывали настолько сильный голод, что ежедневно наведывались в столовую № 8, дабы выпросить остатки ничтожного обеда у детей с более благополучной судьбой. Первая встреча Коли с такими детьми произвела на него неизгладимое

впечатление. К «шакалам» он не испытывал неприязни и презрения. Он всё думал о том, сколько дней и ночей может не есть, чтобы начать попрошайничать и доедать чьи-то объедки.

У главного героя вызывало отвращение поведение нового знакомого – Вадима, одного из так называемых шакалов. Но позже Коля осознал, как несправедлив был в своих мыслях. Вадим и его сестра Мария стали его друзьями.

Повесть «Последние холода» – это печальная, но вместе с тем оптимистичная история о детях, которые повзрослели слишком рано. Пытаясь выжить, они научились не только добывать хлеб. Прежде всего, они стали людьми, способными любить, сострадать и помогать ближним.

Повесть посвящена судьбе Вадика и Марии Русаковых, на долю которых выпали совсем не детские страдания. Брат и его младшая сестренка попали в страшные обстоятельства войны, когда, потеряв хлебные карточки и оставшись без средств к существованию, они просто умирали от голода.

Трагично сложилась судьба этих маленьких героев, но Альберт Лиханов оставляет нам надежду на их счастливое будущее: *«Да, войны кончатся рано или поздно. Но голодуха отпускает медленнее, чем враг. И слезы долго не высыхают. И работают столовки с дополнительным питанием. И там живут шакалы. Маленькие, голодные, ни в чем не повинные ребяташки. Мы-то это помним. Не забыли бы, вы, новые люди»,* – закликает нас автор в конце своей книги [50, с. 282].

Автор с радостью вспоминает события из детства, как он со своими друзьями забирался на высокий тополь, чтобы оттуда «снять восход солнца». Писатель так же рассказывает, как раньше ему было весело, что весь мир был наполнен яркими красками, но все же он хотел поскорее стать взрослым и не ценил то прекрасное время. А когда прошли годы, осознал, что *«без детства холодно на душе»* [50, с. 56].

Авторскую позицию в данном произведении определить просто: детские воспоминания наполняют душу взрослого человека теплом. Воспоминания о беззаботном детстве – это самое лучшее, что есть у каждого взрослого человека, который вспоминает с особой грустью и радостью то счастливое время, когда он с друзьями бегал, беззаботно веселился, не задумываясь ни о чем серьезном.

Так, главный герой повести Л.Н. Толстого «Детство», вспоминая свое детство, пишет о том, как шутил со своим учителем, как бегал с друзьями по имению, играя в охотников. С печалью он рассказывает о том, как умерла его мать... Автор задается вопросом: *«Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни?»* [65, с. 251].

В повести «Благие намерения» Альберт Анатольевич Лиханов говорит, что не все люди желают вспоминать свое детство. В книге автор рассказывает о сиротах, живущих в детдоме. У ребяташек есть игрушки, красивая одежда, их

возят на экскурсии, но ничто не может заменить им родителей. Нет семьи – нет воспоминаний... Поэтому каждая строка книги как будто кричит о том, как важно сделать так, чтобы у каждого человека были радостные детские воспоминания.

Отсюда следует, почему важно сохранять воспоминания детства – вот проблема, над которой размышляет Альберт Лиханов, и в этом он солидарен с Анатолием Приставкиным. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что детские воспоминания играют большую роль и в жизни взрослого человека, потому что они наполняют его душу особым теплом.

1.3 Обращение к теме детства в прозе В.П. Астафьева и В.Г. Распутина

Тема сиротства – одна из вечных в жизни и в литературе. Сирота – это ребенок, оставшийся без родителей, который всю жизнь как бы несет на себе печать одиночества. Он недолюблен, не защищен, не окружен материнской незримой аурой заботы. Во всех жизненных ситуациях может рассчитывать только на себя. Это делает его с одной стороны более самостоятельным, решительным, а с другой – заставляет каждый раз ощущать свою «ущербность».

О сиротском детстве с болью, но без злобы писал В.П. Астафьев. Эта проблема раскрыта им в первоначальном варианте «Последнего поклона» (1967), а позднее – в рассказе «Пролетный гусь» (2001). По мнению прозаика, сиротство – нравственное понятие. Он имеет в виду не только формальное отсутствие родителей, но и духовное одиночество человека, которое ощущается как в детстве, так и на протяжении всей оставшейся жизни.

Для В.П. Астафьева сиротство не чужая беда, а свой собственный крест. Его автобиографический герой Витька Потылицын («Последний поклон») рано потерял маму и живет без отца, но не чувствует своей обездоленности, потому что растет в семье, где его любят, защищают, заботятся о том, чтобы он стал добрым человеком.

В рассказе «Пролетный гусь» сходятся воедино две проблемы: война и сиротство. Только в отличие от «Последнего поклона» обездоленность показана не через миропонимание ребенка, а через образы Данилы и Марины, которых свела судьба в долгом послевоенном пути прямо на железной дороге. В.П. Астафьев изображает два разных характера, два мира: мужчина и женщина. Объединяет их только одно: они оба остались без родителей, потерялись на войне и не знают, что делать после долгожданной победы.

Поступки Данилы и Марины раскрываются в кризисной ситуации – смерти сына. Сиротство такого рода может объединить или разделить супругов, сделать сильнее или убить в них желание жить. Общее горе сломало сначала мужчину, а потом и женщину. Она совершает самоубийство, но не от слабости, а от внутренней силы, которая больше никому не нужна. В.П. Астафьев детально описывает, как Марина собирается проститься с жизнью, подчеркивая, что героиня находится не в состоянии аффекта, а действует обдуманно.

Мотив смерти сквозной в рассказе. Он начинает развиваться с гибели гуся, которого герой подстрелил на охоте, чтобы вылечить сына. Гусь в мифологии некоторых народов является священной птицей, а его убийство грозит божественным возмездием. Так смерть во спасение выполняет функцию наказания и влечет за собой гибель невинного мальчика. Ребенок является смыслом жизни, будущим любой семьи, а у Данилы и Марины нет будущего, они обречены. Герои как бы попали в замкнутый круг, где одна смерть порождает другую: убийство, болезнь, самоубийство.

По мнению В.П. Астафьева, если умирают дети (от болезни, голода, сиротства), значит, у нации нет будущего. Создать тип сироты в литературе – сложнейшая задача. Она подвластна писателю, ощутившему на себе это горе. Он считает, что потеря ребенком родителей ощутима не только в детстве. В зрелые годы, имея взрослых детей, казалось бы, уже привычное чувство вечного одиночества понимается как потерянности в жизни. Сиротство героев, похоронивших сына или дочь, воспринимается болезненнее, т.к. накладывается еще и чувство вины: недоглядели, не предостерегли, не почувствовали беду. Это пережили и В.П. Астафьев, и В.Г. Распутин, которым в жизни пришлось испытать такую трагедию.

Естественным и закономерным является сближение в прозе В.П. Астафьева, В.Г. Распутина самых юных героев и стариков как знак преемственности, неразрывной связи прошлого и будущего. В своем творчестве эти авторы неизменно обращались к характерам представителей старшего поколения, т.к. именно их оба писателя считают значимыми, сохраняющими народную основу. Они, по словам В.Г. Распутина, «не вперед подталкивали, не обращая внимания на тылы, а с мудростью и простотой остерегали от небрежения традицией и национальным духом».

В их произведениях изображаются параллельно с детьми следующие персонажи: Витька Потылицын и Катерина Петровна («Последний поклон»), Наталья и Виктория («Женский разговор»), Аксинья Егоровна и Таня («В ту же землю...»), Тимофей и Алик («Пастушья звезда»). Прозаики подчеркивают не только расхождения во взглядах и жизненных устремлениях между молодым поколением и старшим, но и создают образы «маленьких стариков»: детей, которые рассуждают не по возрасту и совершают обдуманные поступки. На этих ребят возлагает большие надежды и В. Г. Распутин: Иван («Дочь Ивана, мать Ивана») и Татьяна («В ту же землю...»). Именно они – поколение 1990 - 2000 гг. – будущее новой России.

Повесть «Перевал» начинала цикл произведений Астафьева о становлении молодого героя в нелегких жизненных условиях – «Звездопад» (1960), «Кража» (1966), «Где-то гремит война» (1967), «Последний поклон» (1968; начальные главы). Они рассказывали о трудных процессах мужания неопытной души, о ломке характера человека, оставшегося без поддержки родных в страшные 30-е и в не менее жуткие 40-е годы. Все эти герои, несмотря на то, что носят разные фамилии, отмечены чертами автобиографизма, похожи судьбами, драматическим поиском жизни «по правде и совести».

В повестях Астафьева 60-х годов XX века обнаружился со всей очевидностью дар рассказчика, умеющего увлечь читателя тонкостью лирического чувства, неожиданным солоноватым юмором, философической отрешенностью. Особое место среди этих произведений занимает повесть «Кража». Герой повести – Толя Мазов – из раскулаченных крестьян, род которых погибает в северных краях. Последним погибает прадед Толи – Яков, «суховатый, витой кряж, от которого отскакивает топор, а зубы пилы на нем ломаются, как орехи», но и он исчезает под колесами коллективизации, оставляя правнука на волю судьбы.

Сцены детдомовской «табунной» жизни воссозданы Астафьевым с состраданием и жестокостью, представляя щедрое разнообразие изломанных временем детских характеров, импульсивно впадающих то в ссору, истерику, издевательство над слабым, то вдруг неожиданно объединяющихся в сочувствии и добре. За этот «народишко» начинает бороться Толя Мазов, ощущая поддержку директора Репнина – бывшего белогвардейского офицера, всю жизнь расплачивающегося за свое прошлое. Благородный пример Репнина, воздействие русской классической литературы с ее школой «жалости и памяти» помогают герою отстаивать добро и справедливость.

Создаваемый в течение двух десятилетий «Последний поклон» (1958-78 гг.) является эпохальным полотном о жизни деревни в трудные 30-40-е годы и исповедью поколения, детство которого пришлось на годы «великого перелома», а юность – «на огневые сороковые». Написанные от первого лица рассказы о трудном, голодном, но прекрасном деревенском детстве объединяет чувство глубокой благодарности судьбе за возможность живого, непосредственного общения с природой, с людьми, умевшими жить «миром», спасая ребятишек от голода, воспитывая в них трудолюбие и правдивость.

Через бабушку Катерину Петровну, которую в деревне звали «генералом», через «сродственников» Витя Потылицын в работе, в различных будничных заботах, в «суровых» играх, в редких гуляньях постигал русскую сибирскую общинную традицию, нравственные нормы, истину здравого смысла. Если начальные главы «Последнего поклона» более лиричны, отмечены мягким юмором и легкой иронией, то последующие уже содержат обличительный пафос, направленный против разрушения национальных основ жизни, они полны горечи и открытой издевки. В главе «Бурундук на кресте», вошедшей в «Последний поклон» в 1947 году, рассказана страшная история распада крестьянской семьи, в главе «Сорока» – повесть о печальной судьбе яркого и талантливого человека дяди Васи-Сороки, в главе «Без приюта» – о горьких скитаниях героя в Игарке, о беспризорничестве как социальном явлении 30-х годов прошлого века.

Есть история с похоронами детьми своего отца: «Дома, как водится, детки и родичи поплакали об усопшем, выпили крепко – от жалости, на кладбище добавили – сыро, холодно, горько. Пять порожних бутылок было потом обнаружено в могиле. И две полные, с бормотухой, – новая ныне, куражливая мода среди высокооплачиваемых трудяг появилась: с форсом, богатенько не только свободное время проводить, но и хоронить – над могилой

жечь денежки, желательно, пачку, швырять вослед уходящему бутылку с вином – авось похмелиться горемыке на том свете захочется. Бутылок-то скорбящие дети набросали в яму, но вот родителя опустить в земельку забыли. Крышку от гроба спустили, зарыли, забросали скорбную щель в земле, бугорок над нею оформили, кто-то из деток даже повалялся на холмике, поголосил. Навалили пихтовые и жестяные венки, поставили временную пирамидку и поспешили на поминки.

Несколько дней, сколько – никто не знает, лежал сирота-покойник в бумажных цветочках, в новом костюме, в святом венце на лбу, с зажатым в синих пальцах новеньким платочком. Измыло бедолагу дождем, полную домовину воды нахлестало. Уж когда вороны, рассевшись на деревья вокруг домовины, начали целиться – с какого места начинать сироту, крича при этом караул, кладбищенский сторож опытным нюхом и слухом уловил неладное» [5, с. 341].

В другом случае уже родители становятся причиной гибели своего ребенка: «мама и папа – книголюбы, не деточки, не молодяжки, обоим за тридцать, заимели трех детей, плохо их кормили, плохо за ними следили, и вдруг четвертый появился. Очень они пылко любили друг друга, им и трое детей мешали, четвертый же вовсе ни к чему. И стали они оставлять ребенка одного, а мальчик народился живучий, кричит дни и ноченьки, потом и кричать перестал, только пищал и клекал. Соседка не выдержала, решила накормить ребенка кашей, залезла в окно, но кормить было уже некого – ребенка доедали черви.

Родители ребенка не где-нибудь, не на темном чердаке – в читальном зале областной библиотеки им. Ф.М. Достоевского – скрывались, имени того самого величайшего гуманиста, который провозгласил, прокричал неистовым словом на весь мир, что не приемлет никакой революции, если в ней пострадает хоть один ребенок...» [5, с. 562].

«... Еще. Папа с мамой поругались, подрались, мама убежала от папы, папа ушел из дома и загулял. И гуляй бы он, захлебнись вином, проклятый, да забыли родители дома ребенка, которому не было и трех лет. Когда через неделю взломали дверь, то застали ребенка, приевшего даже грязь из щелей пола, научившегося ловить тараканов – он питался ими. В Доме ребенка мальчика выходили, победили дистрофию, рахит, умственную отсталость, но до сих пор не могут отучить ребенка от хватательных движений – он все еще кого-то ловит» [5, с. 651].

Своеобразием художественной манеры В.П. Астафьева является не только широкое использование сказа, как приема, помогающего передать достоверность, подлинность изображаемого, но и возведение в ранг равного другим героям произведения образа повествователя, чьи лирические монологи передают авторское отношение к жизни, к описываемым событиям.

1.4 Тема становления молодого поколения в творчестве современных авторов

В 2006 году выходит в свет роман Захара Прилепина «Санька», в котором затрагивается большое количество разноплановых проблем периода 90-х годов XX века. Но главной в романе становится проблема нравственного выбора молодого человека, ещё только начинающего жить.

Через три года в журнале «Наш современник» печатается роман Альберта Лиханова «Слётки», и в этом произведении мы видим всё те же 90-е годы – период взросления героев романа. Как и у Захара Прилепина, в центре романа Альберта Лиханова – тема нравственного выбора подростка в трудное для страны время. Авторы ставят перед собой одинаковые проблемы, берут близких по возрасту героев, живущих в одно и то же время, но смотрят они на него по-разному. Схожие на первый взгляд два произведения, отличаются по самой их сути.

М.П. Лобанов в своей статье «Освобождение» так говорит о необходимости обращения к историческим, переломным событиям: «...забеги на разные дистанции можно только приветствовать, было бы только у авторов, помимо археологического интереса к прошлому (а этим дело нередко ограничивается), понимание нужности, необходимости выбранного события для современного читателя». Именно такую цель должен ставить перед собой писатель, по мнению Лобанова, при написании произведения, тесно связанного с историческими событиями. Что касается исторического представления действительности, то изображение её весьма объективно как в первом, так и во втором произведении, особенно то, что касается умирающей деревни.

В романе З. Прилепина описывается жизнь молодого человека в 90-е годы XX века. Главный герой – Саша Тишин, который отслужил в армии, похоронил отца и окончательно запутался в своих взглядах на окружающую его действительность. Он вступает в «Союз созидателей» («эсэсовцев»), которые стремятся совершить «справедливую» революцию и дать счастье «простому народу». Его жизнь наполняется семейной трагедией (постепенная смерть всех мужчин семейства от пьянства), бесконечной борьбой, превращающей его в одержимого идеей преступника. В романе, безусловно, отразились политические взгляды самого автора. Сам автор книги Захар Прилепин является членом запрещенной Национал-большевистской партии, примыкает к коалиции «Другая Россия», в целом выступает против существующего строя и власти. Его собственные революционные взгляды воплощаются в размышлениях главного героя романа.

Так, например, Санька размышляет: «Гадкое, нечестное и неумное государство, умерщвляющее слабых, давшее свободу подлым и пошлым, – отчего было терпеть его? К чему было жить в нём, ежеминутно предающим самое себя и каждого своего гражданина?» [58, с. 210]. В этом герой романа был уверен абсолютно точно и действовал в соответствии со своими убеждениями.

Но размышления героя не всегда можно объяснить, иногда для читателя непонятно откуда появляются отдельные мысли Саши Тишина. Молодой человек, который успел за свою недолгую жизнь окончить школу, отслужить в армии и подработать на нескольких подвернувшихся работах, а в целом, проведший большую часть времени без присмотра, наверняка не способен так размышлять, как представляет нам автор.

Вот, например, в разговоре всё с тем же Безлетовым он говорит: «Если ты чувствуешь, что Россия тебе, как у Блока в стихах, жена, значит, ты именно так к ней и относишься, как к жене. Жена в библейском смысле, к которой надо прилепиться, с которой ты повенчан и будешь жить до смерти... Или она, или ничего. И если у тебя Родина... Здесь так же...» [58, с. 116].

Писатель даже оправдывает героя за столь глубокие мысли, но как-то не совсем убедительно: «...он никогда особенно не думал о том, что говорил сейчас. Наверное, неверно сформулируемое, всё это лежало где-то внутри и сразу сложилось воедино, едва случилась необходимость». В целом в подобных беседах мы видим не героя, а автора, рассуждающего о политике, либерализме, антисемитизме. Он словно забывает о своем герое в такие минуты, и тогда образ Саньки становится абсурдным.

Показательной является и следующая цитата: «Грёбанная страна, и в ней надо устроиться куда-то. Мести двор, мешать раствор, носить горшки, таскать тюки и вечером смотреть телевизор, где эти мерзейшие твари кривляются, рассказывая, как они заботятся о тебе» [58, с. 302], в которой мы вполне можем узнать Сашу с его нецензурной лексикой и категоричностью. Иногда с трудом можно представить себе человека, который с преподавателем рассуждает на сложные проблемы жизни, а со своими союзниками употребляет безмерно алкоголь, нецензурно выражается, наплевательски относится к своей семье (матери, бабушке и дедушке), которая не нужна ему в данный момент жизни. Он отстраняется от неё, ему некогда; он борется за справедливость.

В целом художественный образ героя схематичен, противоречив и психологически не целостен. На протяжении романа мы видим в нем двух совершенно разных людей. Он то безразлично относится к происходящей действительности, то активно участвует в политической борьбе. Санька заигрывается в своей игре, превращаясь постепенно в преступника, готового грабить и убивать за идею, и сам теперь воспринимает это как норму.

Так, в сцене ограбления мужчины он не испытывает мук совести. Для него это справедливый поступок, он спокоен: «Каждый удар сердца был прям и честен, все было на своём месте, ни одна жилка не дрогнула». Подобным образом поступают все «эсэсовцы», стремящиеся к «справедливости» [58, с. 232]. Они разрушают и то малое, что осталось не тронутым в ужасные 1990-е годы.

Интересно то, что Захар Прилепин почти не показывает отношения народа (в широком смысле) к происходящим событиям. Но всё же, в изображении деревенских жителей и матери главного героя, мы можем заметить их совершенное смирение и непротивление своей судьбе, которое так раздражает главного героя. Люди просто продолжают жить, работают,

заботятся о детях, помогают нуждающимся и этим приносят намного больше пользы, чем все «эсэсовцы». Возможно, автор не хотел показывать такое поведение народа, это вышло непроизвольно при изображении им событий современной действительности.

В финале романа, когда остаётся весьма определённый осадок, создаваемый автором, после его прочтения, нам становится жаль героя и его сподвижников, так как их протест обречён на гибель. Кроме этого, в конце произведения мы видим теперь созерцающего мыслителя, который вызывает у читателя симпатию, и который не похож на знакомого нам революционно настроенного персонажа. Роман заканчивается следующими словами Саньки: «В голове, странно единые, жили два ощущения: всё скоро, вот-вот прекратится, и – ничего не кончится, так и будет дальше, только так» [58, с. 361].

Автор последней фразой романа выразил безысходность положения героев произведения. Он считает, что всё будет продолжаться без каких-либо изменений: и постепенное вымирание деревни, и медленная, но целенаправленная деградация общества, ухудшение положения страны, как изнутри, так и на мировом уровне, но и борьба против всего этого также будет продолжаться.

Роман Альберта Лиханова «Слётки» состоит из семи глав: «Хмурое детство», «Завлечение», «Лето свободы», «Погибель», «Преображение», «Пробуждение», «Не бойся, мальчик!». В представленных названиях глав мы наблюдаем поэтапное отражение жизни героев романа. В произведении описывается жизнь двух братьев – Бориса и Глеба – в провинциальном городке Краснополянке. В первых главах больше внимания уделено старшему – Борису, а в последующих показана жизнь подрастающего Глебки. Лиханова больше всего интересует именно выбор, самоопределение героев в жизни.

В целом роман пропитан множеством проблем того времени, которые остаются актуальными и в наше время, начиная с неполных семей, пагубного влияния телевидения, интернета и, как следствие, формирования неадекватного восприятия мира и заканчивая обычной, даже ставшей привычной для автора и читателя, проблемой пьянства. Все перечисленные проблемы взаимосвязаны и перетекают из одной главы в другую.

Автор изображает реальную жизнь провинциального города, в которой растут и пытаются встать на крыло ещё не готовые к полёту «слётки». Действительность заманивает ребят. О жизни подростков города А. Лиханов пишет: «Вот так и жили дети окраины захолустного, закоптелого, хорошенько подзапущенного городка: обучаясь помаленьку пить пиво, пробовать водку, получая двойки, превращаемые к концу учебного года – не без помощи самого же учительства – в обоюдобезопасные трояки, поколачивая друг дружку, безо всякого, впрочем, зла и осатанения.

Таким образом, достигая, наконец, радостного возраста расставания со школой и с домом, который одних одаривал крылами – и тогда, растопырив их, молодняк улетал в дальние края. Другие так никуда и не уезжали, привязанные к дому теми самыми безопасными слабенькими троечками, никому ненужными

аттестатами без пристойных знаний, да еще помноженными на доступное пиво и водочку, всегда находившимся в любом ближнем магазине. Существовало вдобавок ко всему этому сложившемуся укладу жизни невнятное, смурное состояние пьющих мамань да папань, хроническое отсутствие денег, да еле живой, опустевший, жалкий заводешко, когда-то опору всего городка...» [51, с. 76].

Все эти отвратительные картины жизни мы наблюдаем и у З. Прилепина, в изображении им уже вымершей деревни: «Дорога была изуродована и грязна. Из иных домов мелкий мусор, объедки, помои выбрасывали и выплёскивали прямо в канавы у дома... Деревня исчезала и отмирала... Зброшенные, вросшие в землю сараи, стоявшие вдоль дороги, чернели отсыревшими боками, прогнившими досками. На крышах сараев росла трава и даже кривились хилые деревца, прижившиеся, но не нашедшие, куда пустить корни – под их слабыми корешками располагались холодные опустевшие помещения, куда, к разбитым крышкам и продырявленным бочкам, заползали ужи, которых никто уже не тревожил. Кусты разрослись и ползли на дорогу» [58, с. 89]. На примере этих отрывков мы наблюдаем объективное, историческое изображение умершей деревни.

В романа «Слётки» судьба старшего брата ужасна, в ней кроется такое многообразие жизненных проблем, что читателю становится немного не по себе. Борис теряет самого себя, после того, как предаёт веру и говорит о себе, понимая весь ужас своего поступка: «Вот и я, как Пётр. И отныне навеки грешен» [51, с. 236]. Жизнь его не удалась, закончилась, так и не начавшись, а как хорошо всё начиналось. Этим событиям автор даёт четкий ответ, но об этом позже.

Младший брат Глеб сталкивается с более обширным кругом современных проблем: это и засилье родственников майора Хаджанова, считающих жителей города русскими ишачками, и разлагающее влияние телевизора, интернета, с которым борется герой и, наконец, проблема определения своего места в жизни. Образы двух братьев, в отличие от героя З.Прилепина, психологически и художественно целостны и закончены. В тексте не встречаются какие-либо противоречия и нестыковки.

Свои размышления автор реализует через лирические отступления, которые сопровождают героев на протяжении всего романа, насыщены философскими рассуждениями о смерти, предательстве, страхе, убийстве человека. Автор как бы анализирует со стороны все происходящее и делает выводы для читателя. Прожив долгую жизнь, наполненную борьбой за счастье детей, Альберт Лиханов ставит перед читателями главную проблему – проблему «вымирания» молодого поколения. Он ищет собственный рецепт для её устранения и находит его.

В понимании Лиханова спасти детей может только опора на взрослого, который сможет ему помочь разобраться в трудностях жизни и защитить от будущих опасностей. Только так можно спасти молодое поколение, следовательно, и всю страну, а не вооружённой, открытой борьбой против власти, как это показано у Прилепина. Именно поэтому жизнь Борика не

удалась, так как у него была «спина», но это была Хаджановская «спина», что и объясняет все последующие события, произошедшие в жизни героя. Спина брата для Глебки оказалась куда лучше, хотя мы и не знаем его дальнейшей судьбы, но уверенность в его хорошем и безопасном будущем безусловна.

Эта же мысль мелькнула и в романе Прилепина «Санькя», когда герой сожалеет о том, что отец не общался с ним при жизни, а всячески отстранялся от сына. Но эта мысль, как и другие, была поглощена борьбой героя. Мнение народа у Лиханова представлено в споре матери и бабушки героев. Они приходят к общему выводу о том, что беспорядки и борьба за справедливость ни к чему не приведут.

Лиханов заканчивает своё произведение призывом: «Эй, жадные вороны, кошки и собаки, глупые мальчишки и пьяная нечисть! Брысь! Отойдите от птенцов. Они взлетят сами, поднимутся на крыло, только надо подождать..., охранить их и уберечь. А вы, малые дети, не бойтесь! Ведь каждый из вас взрослеет за чьей-то спиной» и следующими за ним словами: «Если бы, если бы, если бы...» [51, с. 382]. Но это вовсе не значит, что автор не верит в возможность осуществления его призыва, он просто считает, что это будет не так просто.

Два разных жизненных пути представляют авторы романов «Санькя» и «Слётки». Альберт Лиханов, сохраняя традиции русской литературы, видит спасение молодого человека в силе русского народного характера, которая заключается «...в неистребимой человечности, несмотря ни на какие превратности и удары судьбы». Захар Прилепин, опираясь на собственные взгляды, а не на мнение обычных людей, пытается революционно, с помощью радикальных мер, бороться за справедливость. В целом оба произведения одинаково необходимы сегодняшней литературе, так как заставляют задуматься о проблемах прошлого и будущем современного общества.

Великая Отечественная война не только принесла невероятные страдания и тяжелейшие испытания нашему народу, но и породила мужество людей, раскрыла их пламенные сердца, сердца стойких борцов за мир на земле, за счастье. Все, кто сражался за родную землю, самоотверженно работал в тылу, знали, что это они делают во имя Родины. Многие казахстанские писатели раскрывали тему стойкости и патриотизма в своих произведениях, обращаясь к изображению жизни аульных жителей в глубоком тылу.

Так, в повести известного казахстанского прозаика Мухтара Магауина «Дети одного отца» повествуется о том, как в тяжелое военное время казахский аул принял осиротевших детей из далекого детского дома. Произведение начинается следующей знаменательной сценой: « – Ну вот, уважаемые, теперь все в сборе... Слушайте и решайте, – сказал баскарма. – Сами знаете, когда я уезжал, то думал, что вернусь и привезу вам помощников. А получилось все по-другому. В наш район направили ребят из детских домов, пятьдесят четыре человека. Дорога далекая, пока я до райцентра добрался, тех, что постарше, колхозы разобрали. Хотя бы и по четырнадцать, по пятнадцать

лет, а все рабочие руки... Что было делать? Посмотрел я на оставшихся сирот, подумал... И взял самых маленьких.

Люди зашумели. Еще до того, как собраться, прошел слух, что председатель колхоза вдвоем со счетоводом привезли полную подводу ребятишек – мал-мала-меньше. Так оно, значит, и есть. – Тише, уважаемые, – сказал баскарма, поднимая руку. – Не шумите. Привезли мы только шестерых. Все равно на всех не хватит. К тому же, как бы не случилось такого, что кто нынче пригреет, завтра слезы лить заставит... Это не по нашим казахским обычаям. Может, в район еще детей направят, тогда и спорить не придется. А пока давайте решать по справедливости. Эй, байбише, – крикнул он, – выведи ребят, если они поели.

Точно желтый взъерошенный цыпленок из-под белого крыла наседки выглянул из юрты мальчуган, худенький, с тонкой шеей и соломенными волосами. Гомон сразу стих – как ножом срезало. Следом за мальчуганом стали выходить один за другим остальные малыши – кто рыжий, кто черненький, у кого каштановый вихорок на макушке. Не то яркое солнце их слепило, не то заробели они перед примолкшей, пестро и бедно одетой толпой, но дети сгрудились у самого входа и застыли в неподвижности.

– Все правильно, басеке, – сказал он, – детей записано шесть человек. – И строго посмотрел на ребят. – Всем стоять смирно, пока я буду знакомить... Называю по порядку. Двое крайних на правом фланге – братья. Казахи. Старшему восемь лет, зовут Нартай. Младшему шесть, зовут Ертай. Следующий за ними – Рашит, шести лет, татарин. Дальше, – он указал на девочку с обритой наголо головой, узкоглазую, скуластую, – то ли калмычка, то ли дунганка, шести лет. Возле нее – Яков, девяти лет, в бумаге записано, что русский, хотя по виду...

– Дауренбек покачал головой, приглядываясь к большеносому мальчику, – виду скорее еврей. Откуда пришел в детдом, где жил раньше – неизвестно. Не то заика, не то наполовину немой... Последний, вот этот, который вышел первым, – семи лет. Между прочим, немец... Взяли его в детдом, поскольку лишился отца-матери, остался без крова. Больше о нем ничего не знаю. Баскарма помедлил, проглотил подкативший к горлу ком. – Э-э, зачем говорить долго, время попусту тратить? Мы сыновей лишились, а те, что стоят перед вами, – родителей. Две половинки – одно целое... – Голос у него надломился, по-стариковски задрезжал. Баскарма думал что-то еще сказать, но, видно, не смог и только махнул рукой» [52, с. 6].

Детей разобрали казахские семьи. Аксакал Ахмет выбрал мальчика-немца по национальности – Зигфрида Вольфганга Вагнера. Сам нуждаясь в поддержке и опоре, старик сделал все, чтобы обогреть сердце мальчика, воспитал его. Хотя жилось трудно, не хватало самого насущного, все же Зигфрид смог вынести из этой жизни качества настоящего человека, и, прежде всего – любовь и уважение к своим приемным родителям, к земле, взрастившей и воспитавшей его.

Через некоторое время мальчик вполне освоился в казахском ауле, ничем не отличаясь от своих сверстников в играх и всей душой приняв своих

названных родителей, обретя большое количество родственников в новой семье. Эти страницы из романа Мухтара Магауина напоминают описание Г. Бельгером в своих многочисленных произведениях военного аульного детства: *«Сам же он был ненасытен в играх. Целые дни, с утра до вечера, проводил на берегу, резвился в воде, возводил из песка крепостные стены и башни, строил из глины дома, из камыша мастерил лодку, заменяя парус зеленым листом лопуха. И плоские камешки, влажно сверкавшие на солнце, пускал он, рассекая гладкую поверхность воды, и носился по густой, пружинящей под голой пяткой траве-мураве, играя в догонялки. Лишь на закате Зигфрид возвращался домой и замертво валился на подушку.*

Вскоре он превратился в такого же мальчугана, как и его теперешние товарищи, до черноты загорелые, бритоголовые, с ногами, покрытыми ссадинами и цыпками. Но вместе с тем в облике Зигфрида что-то выделяло его среди аульной детворы, то ли яркие синие глаза, то ли светлые брови и ресницы. Однако к нему привыкли, он уже не выглядел в ауле чужаком. И к языку, который слышал вокруг, постепенно приобщился.

Теперь у него здесь были не только друзья, обнаружились вдруг даже кровные родственники – до шестого, до седьмого колена. Люди постарше, например, отыскивали в нем явное сходство с Нарым-бетом, а другие тут же и объясняли столь удивительный факт, вспоминая, что брат Нарым-бета, средний сын Ахмета – Келим-бет, намерен был одно время жениться на немке, а может, и женился, и таким-то вот образом родился Зигфрид... Впрочем, для него самого эти слухи и догадки не имели значения. Важно было, что он был признан полноправным гражданином ребячьей республики, где все имели равную возможность выбирать и свергать хана, участвовать в азартных потасовках и играть в «айголек»...» [52, с. 120].

Воспитанный казахом Ахметом Зигфрид Вольфганг Вагнер – интернационалист, не желающий разделять людей по их национальному признаку, патриот, бесконечно преданный приютившей некогда его земле, считал: «Только презренный человек скрывает свое происхождение. Я никогда не забуду своего куке, аксакала Ахмета, воспитавшего и вырастившего меня. Его фамилию ношу я сам, и носят мои дети, и будут носить дети моих детей. Но живет во мне память и о том человеке, который подарил мне жизнь, – о моем дорогом отце Вольфганге Вагнере, погибшем в рядах испанских республиканцев, сражаясь с фашистами. Кто же я, спросите вы, кем считаю себя по нации?.. Я и сам иногда задумываюсь над этим. Немец?.. Не вполне. Казах?.. Тоже не совсем верно. Происхожу от немцев – это будет точнее. Ну, а дети мои... Они как ответят на этот же вопрос? Впрочем, так ли это важно – копаться в своей родословной? Сейчас мы все – русло одной реки, дети одного отца. Или, если хотите, члены одной семьи, сыны одного улуса...» [52, с. 213].

Повесть интересна тем, что, несмотря на тяжелое, подчас бедственное положение, у людей, живших в те суровые военные годы, не очерствели сердца, и они с бескорыстной любовью и заботой приняли как родных сирот, оставшихся без родителей.

Сам писатель Мухтар Магауин, говоря о своей книге, отмечал, что среди всех современных песен о войне в его памяти навсегда остались следующие строчки: «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят» и вспоминал, что у всех его знакомых, молодых и представителей старшего поколения, при очередном её прослушивании на глаза наворачивались слезы.

Он родился перед самой войной, в 1940 году, и помнил с детских лет фотографию, снятую весной 1942 года. По словам писателя, на ней были изображены шестьдесят семь юношей-односельчан, ушедших на фронт, а в родной аул, как в песне, вернулись только трое... Автор хорошо знал родителей этих погибших солдат и их детей, никогда не видевших своих отцов. Этим объясняется его желание посвятить книгу детям, которых война сделала сиротами и молодым людям, которым не суждено было стать отцами...

Герои правдивых и честных произведений Мухтара Магауина живут событиями настоящей невыдуманной жизни, поднимая истинные морально-нравственные ценности. Все эти произведения объединены одним единым чувством – чувством сострадания к ближнему, жаждой справедливости, надеждой найти единственно верный и правильный путь в жизни, прожить её честно и праведно. Герои, которые ошибаются и совершают порой не всегда обдуманые и правильные поступки, живя по жестоким законам стаи, также стремятся к лучшей жизни, идя к ней, возможно, не всегда проторенным путем, но выбирая собственную дорогу через горести и страдания.

Вера в лучшее будущее, желание дальше жить по совести, является их спасением на этом трудном пути. Для многих из них таким светлым маяком оказывается детство и люди, вовремя протянувшие руку помощи в самом начале их жизненного, часто обездоленного сиротством, пути.

2 Особенности отражения темы военного детства в творчестве Герольда Бельгера

2.1 Становление характера Гарри в повестях Герольда Бельгера «Перед далью» и «Завтра будет солнце»

Герольд Бельгер – известный писатель, публицист, государственный и общественный деятель, переводчик художественных произведений с казахского и немецкого языков на русский.

Деятельность Герольда Бельгера отмечена высокими государственными наградами, в том числе орденом «Парасат», он являлся лауреатом президентской премии мира и духовного согласия, награжден премией имени Беимбета Майлина Союза писателей Казахстана, независимой премии «Тарлан», медалью «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» и «Достык» Второй степени.

Он отмечен также почётным званием «Заслуженный деятель культуры Казахстана». Герольд Бельгер родился в 1934 году в городе Энгельсе Саратовской области, в Поволжье. В начале войны, в 1941 году, семья Бельгера была депортирована в дальний казахский аул на реке Ишим [9, с. 112]. Детство будущего писателя прошло в небольшом ауле, о котором у него остались очень светлые воспоминания.

Президенту Республики Казахстан Н.А. Назарбаеву принадлежат следующие слова: «Быть патриотом своей Родины – это носить Казахстан в своем сердце», которые по праву можно отнести к жизни и творчеству нашего современника Герольда Бельгера.

Его произведения о реальных событиях военного детства в казахском ауле можно назвать духовно-нравственной переключкой по общности тематики с произведением М. Магауина и других авторов современной литературы Казахстана.

К берегам Тас-Уткаля он прибегал сначала босоногим мальчишкой, затем юношей, стоящим на пороге новой жизни и, наконец, взрослым человеком, обладающим большим жизненным опытом и знаниями, но с одинаковым трепетом, любовью и восхищением охватывающий взором эти просторы: *«Мне ещё не было полных 7 лет, как я очутился в казахском ауле на берегу Есиля – Ишима. С того времени и начинается отсчёт моей сознательной жизни. Река Есиль, прибрежный тугай, перелески, берёзовые колки, ковыльная степь, бураны и ливни благодатного северного Казахстана я воспринял как родное, как нечто изначальное. Они вошли в моё сознание, в мою плоть. Вся моя жизнь, творчество, думы, дела, надежды связаны с Казахстаном»*, – пишет он в произведении «Каменный брод» [26, с. 18].

Так, в неполных семь лет, он обретает здесь истинную Родину, настоящих друзей. В разных жизненных ситуациях – радостных и трагичных – казахская земля, родной аул давали ему надежду на лучшее, наделяли спокойствием и уверенностью на долгие годы. Картины пейзажа сопровождали его жизненный путь до последних дней, стали своего рода точкой отчета, самым точным и

справедливым мерилom всех его поступков и активной творческой деятельности.

Различные природные явления: снег, вьюга, дождь, гроза, скованная морозом степь, буйство весенних красок, словно застывшие и тихо дремлющие в сильную жару землянки и хозяйственные постройки, притихший домашний скот – словом, зимняя стужа или летний зной – все это навсегда остается дорого его сердцу и душе.

Находясь в одиночестве у «крутогрудых валунов Каменного брода», смутно мечтая о литературном будущем, он часами грезил о героическом прошлом казахского народа, представляя образы могучих степных батыров и их тулпаров. Все это вызывало у него одно большое желание – сбежать из дома *«в степь, укрыться в чащобе перелеска или в тальнике тугая, найти укромное местечко в овраге. Закутаться в отцовский брезентовый плащ-палатку и наедине, замирая от ужаса и восхищения, часами наблюдать за упивавшейся своим неистовством разгульной стихией»*. В такие минуты, наблюдая над тем, что творится в природе, он *«испытывал неопиcуемый восторг. И кричал как безумный, размахивая руками, подзадоривал небо, готовое вот-вот обрушиться на вздыбленную землю»* [6, с. 4].

Буйство стихии порождало в нем ассоциации с несправедливостью, царящей над тысячами таких же, как Бельгеры, семей немцев-спецпереселенцев.

Современный казахский писатель, кинорежиссёр и сценарист Ермек Турсунов – создатель широко известных в наши дни фильмов «Невестка», «Шал», «Кенже» – пишет о Бельгере так: «Представьте себя маленьким мальчиком. Вам семь лет. Вы живете у берегов могучей Волги, в своем домике, в атмосфере любви и добра, в окружении многочисленной родни. Вас везде ждут дяди, тети, двоюродные братья, сестры, бабушки, дедушки, всех не перечислить. Мангейм, Зихельберг, Солянка, Гнаденфлюр... (деревушки в бывшей немецкой автономии) – это такой большой теплый мир, в котором все тебе рады, чем-то потчуют, пытаются угодить, приласкать, побаловать...» [61, с. 3].

И вдруг все это в одно мгновение рушится. Вы еще ребенок и не понимаете, что произошло со всеми взрослыми: почему молча плачут в сторонке женщины, отчего стали кучковаться и так много курить мужчины. В приглушенных разговорах слышатся диковинные слова: «криг» (война), шпионы, диверсанты, эвакуация, спецпереселенцы... И вот в один из таких зябких расхристанных дней обухом по голове открытие: оказывается, вы – немец. И это, оказывается, плохо. И, самое страшное, это уже невозможно исправить.

И далее – как в дурном сне: солдаты, суматошные сборы, офицерские окрики, громыхающий состав, товарный вагон (теплушка), гулкий ветер в щелях. Сквозь решетки в крошечном окне проплывают города и села, станции, разъезды. Потом вдруг проступает долгая голая степь. Ни кустика, ни деревца. Выходить нельзя, не разрешают. По ночам протяжный гудок под бесконечный перестук колес. Впереди – неизвестность. Холодно, мутно, тоскливо.

На седьмой день поезд остановился. Всех высадили на станции Мамлютка (безобидное какое-то, почти детское название, потому, наверное, и запомнилось). Дальше уже – как придется: кто пешком, кто на подводах. Опять все в спешке, в неразберихе. Распихали кого куда.

Чужая земля. Чужие лица. Разруха. Неустроенность. Нищета. Незнакомые люди. Казахи. Дальше – некуда. Теперь жить здесь.

Сейчас уже не секрет, что Казахстан в те годы превратился в одну большую тюрьму. Шла война, всем жилось несладко. И все же спецпереселенцам пришлось куда хуже: давил еще и моральный пресс – печать неблагонадежных. Особенно обидно было отцу. Карл Бельгер с юности рос идейным большевиком, преданно верил делу партии, добровольцем вступил в ряды Красной Армии. Верой и правдой служил санинструктором 157-го стрелкового полка Приволжского военного округа... А в ответ – такая вот благодарность.

Небольшой казахский аул на берегу Ишима – Тас откел (Каменный брод). Обустроились, как сумели, в бывшем медпункте: тесно, неудобно, сиротливо. Жизнь ведь не только из бед и горя состоит, в ней есть место и маленьким радостям. С тех пор река, околки, тугаи становятся для него близкими и родными приметам Родины, а в 14 лет земляничная поляна, на которой он лежал, обессиленный непроходящим кашлем и постоянной слабостью, напитала его духмяными земными соками, буквально подарив вторую жизнь.

Через какое-то время фельдшеру («першил» на местном наречии) удалось раздобыть корову. А корова по тем временам – это богатство. Пусть она и еле держалась на ногах от слабости. С невероятными трудностями отец перевез ее на плоту через реку и прозвал Мартой. Потому что там, в Мангейме, осталась другая Марта. Правда та, прежняя Марта, была куда упитанней и доилась несравнимо щедрее.

«Постепенно пообвыклись. Отец почти не бывал дома. Высокий, сухопарый, жилистый, он пешком обходил аулы, что располагались в округе, – лечил людей. Путь неблизкий: попробуй помотайся по степи в зимнюю стужу или в летний зной.

Мать Анна Давыдовна хлопотала по дому: все время что-то латала, варила, шила, стирала, готовила из ничего жидкую еду, кроила, что называется, из голенища сапог (светлой памяти своей матери Герольд Карлович посвятил роман «Зов»). Возможно, детская психика не столь болезненно воспринимает перемены, тем более – столь оглушительные. Сталинская паранойя, великое переселение народов, депортация. Все эти вещи ребенок не мог правильно воспринимать. В его понимании просто началась новая жизнь, появились новые друзья – тамыры. Да и аул уже через какое-то время стал как бы свой. Как будто так оно и было всегда. Это потом, много позже, придет осознание великой несправедливости, необратимого горя.

В 1944 году Герольд пошел в казахскую школу. Правда, в ауле имя его никто не мог толком выговорить. Старики прозвали его Жел аяк. Потому что Герольд бегал очень прытко, быстрее аульных собак, был тощ и легок. Носился как угорелый, но однажды летом на всем скаку слетел с коня, больно ушиб

ногу. Затем сильно простыл на рыбалке, заболел коклюшом и долго мучался с кашлем. Позже всё это дало осложнение и переросло в туберкулез тазобедренного сустава... Далее, чтобы яснее прочувствовать последовавший за всем этим шок, представьте себя мальчишкой, у которого забрали... движение...» [61, с. 4].

Обо всём этом много позже сам Г. Бельгер поведаёт в автобиографической повести «Перед далью» и во многих рассказах-воспоминаниях, посвящённых далёкой поре детства в казахском ауле военных лет.

Для семилетнего Гарри из повести «Перед далью» казахский аул – повседневная реальность, привычный быт, он прирос к нему всем своим чутким маленьким сердцем и смотрит на него глазами любящего сына, возвращенного аулом: *«Кособокие домишки с шошалами – точно асыки, разбросанные неумелой рукой на зеленой кошме. Мне нравится и этот простор, и эта кажущаяся беспорядочность, которые маме вовсе не по душе, потому что она считает, что дома должны быть аккуратные, беленькие, с ухоженным палисадником и стоять ровно по одной линии, на одинаковом расстоянии друг от друга, и порой мне чудится, что я живу в это ауле уже давным-давно, чуть ли не всегда, что он совсем-совсем не чужой, а мой аул, и мне становится немножко досадно и неловко, когда мама с тоской рассказывает о родном крае, о родной деревне»* [13, с. 45].

Приметы времени аула военных лет показаны в описании непривычного для Эрлиха жилья бытовой обстановки казахов: *«В низкой душной комнате струился сумрак... Взгляд его привлек большой, обитый железными пластинами, выдавший виды, облупившийся местами сундук, на котором возвышалась аккуратно сложенная горка разноцветных одеял. Ближе к входу, на небеленой плите, громоздился чумазый котел. На стене висел сотканый из крашеной пряжи мешок. Из него торчали деревянные половники, мутовки, скалки, подносы. Рядом на гвозде висела баранья шуба, огромная, ушастая меховая шапка, поверх нее были наброшены сыромятная плеть и уздечка. Верхняя часть пола, напротив двери, была застелена домотканым паласом»* [17, с. 25].

Редко кто не играл в немецких деревнях на музыкальных инструментах и не пел. Герои произведений Г. Бельгера в самые ответственные моменты жизни – радостные или печальные – поют и играют на скрипке. По словам Гарри, главного героя повести «Перед далью», *«ничего сейчас не существовало, ничего сейчас не было, кроме этой простодушной в своей радости и печали песни, не было этих изнуряющих ветра и холода, изматывающего одиночества, великой неустроенности, подавленности, всего того бесконечного и многоликого горя, которые обрушила вдруг на людей тысячу раз проклятая война. Была песня, а вместе с ней смутное предчувствие желанной и неминуемой радости и надежды»* [13, с. 68].

«Я часто пишу, что ощущаю себя казахом. Воспитанник казахского аула, за все, что есть во мне доброго, я благодарю мой аул. Лучшие черты нравственности я получил в семье, в казахской среде и в книгах. На мой взгляд,

лучшие казахи остались в прошлом. В моем ауле, где я рос с 1941 года, они были менее образованными и, возможно, менее культурными, но у них было больше доброты, лояльности, терпения, братских чувств. Семилетним мальчишкой я уже как бы от имени всех переселенцев постоянно испытывал благодарность к казахам», – вспоминал Бельгер [30, с. 66].

С детства Герольд Бельгер много читал и рано осознал, что станет писателем. Осуществив свою заветную мечту стать писателем, он всецело посвятил свое творчество теме взаимопроникновения, созвучия культур и духовного родства трех народов: «С ранних лет Герольда Бельгера окружала атмосфера двуязычия: общаясь днем в играх со сверстниками на казахском языке, вечерами он беседовал с домочадцами исключительно на гессенском диалекте немецкого языка» [38, с. 18].

«Я воспитанник трех государств», – нередко говорил о себе Герольд Бельгер. Он глубоко впитал в себя все три культуры. Такое тесное переплетение Герольд Карлович считал своим главным богатством: «У меня за спиной три переметные сумы: немецкая, казахская и русская. Любую суму уберешь – и я страшно обеднею. Если я чем-то и интересен, то в первую очередь этим. Будучи этническим немцем, я вырос в казахской среде, владею казахским языком, пишу по-казахски. Если это убрать, я буду какой-то заурядный немец, который говорит и пишет по-русски. Каждая из культур очень многое для меня значит» [31, с. 12].

Его талант был многогранен, он гармонично совмещал в себе талант писателя и публициста, переводил и издавал известных казахских и немецких авторов. Он смог осуществить свою давнюю мечту – перевел на немецкий язык труды великого Абая.

Двадцать пять томов прозы перевел с казахского и немецкого неутомимый автор, а публикаций за все годы набралось более 2000. Он автор романов «Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», сборников повестей и рассказов «Дождь со снегом», «Эль», «Каменный брод» и др. Он убежденный сторонник государственного языка. О нем написаны сотни статей, сложены стихотворения, на темы о его творчестве защищают кандидатские и магистерские диссертации.

Мурат Ауэзов размышляет о нем так: «Маленький мальчик, который рос в чудесном кругу любящих родственников, вдруг столкнулся с жестокой реальностью – депортацией. Ожог, полученный в детстве, заставил его очень рано искать ответ на вопрос, что есть справедливость и несправедливость? С самого начала он принял сторону добра, которому, к сожалению, на его веку выпало войти в драматическое противостояние с воинствующим злом.

Второй решающий момент в его жизни – переселение в казахскую среду. Наблюдательный мальчик был впечатлен добротой Великой степи. Он полюбил мир простых казахов, исподволь поняв, что этот мир нуждается в такой же защите, как и он сам. Эти два начала – ожог несправедливыми обстоятельствами, а следом принятие стороны добра поставили перед ним вопросы, ответы на которые можно было получить, обладая по-настоящему большим, лишенным всякой профанации знанием» [6, с. 5].

Языки – казахский, немецкий и русский, – словно осознавая, что он борется за красоту и справедливость, охотно шли ему навстречу. Мы все знаем, что казахский язык был у него потрясающим – со знанием всех нюансов и тонкостей, присущих только носителям, а в его переводах на русский душа народа оставалась живой. При этом и родной язык не оставался втуне – соотечественники были в восторге от его немецкого.

То, что сделал Гер-ага для народа страны, ставшей для него родиной, не поддается счету. Помимо блестящих переводов это еще и щедрое покровительство талантам. Молодые одаренные писатели, принося ему свои книги, считали для себя счастьем получить бата – его оценку и благословение [61, с. 5].

Своей огненной публицистикой он нам вернул ощущение того, что и нелицеприятную правду можно говорить, оказывается, не зло, а с любовью и сопереживанием. А наказывая зло убийственным словом, он, прогоняя безысходность, вселял в людей надежду и оптимизм. И что важно – Гер-ага умел вставать над схваткой, находя умное решение тех вопросов, которые мы, бывает, обсуждаем, ломая копья... народа.

В интервью новостной ленты «Zakon.kz» с Торгын Нурсеитовой в подзаголовке статьи «Любимчик аула» Герольд Бельгер с теплотой вспоминает о своих детских годах, родителях, родном ауле, рассказывает о своих немецких корнях, о которых он забывать не вправе: «Куда выслали нас, туда и приехали – в колхоз имени Ленина Октябрьского района Северо-Казахстанской области. Сейчас этот район называется Шал-Акинский, а село – имени Ибраева. Места там очень красивые, живописные, на берегу Есиля.

Мы были единственной немецкой семьей в этом ауле, не считая одного русского, так что я вырос в чисто казахской среде, учился в казахской школе. Отец мой был военным фельдшером, заведовал фельдшерско-акушерским пунктом и обслуживал более десяти казахских сел. Я их хорошо помню – Коктерек, Жанажол, Жана-талап, Мектеп, Каратал, Орнек и так далее.

Отец принял 1200 появившихся на свет казахских детей. Он был отличником здравоохранения СССР, отличником просвещения КазССР, депутатом районным, областным. Его все любили, ему доверяли и для аульчан Карл-ага или Белеке был самым уважаемым человеком, а фамилия Бельгер стала в окрестностях синонимом слова «врач».

Сельчане так и говорили: показался районному бельгеру, осмотрел областной бельгер, бельгер сказал мне то-то. То есть любой врач был для них бельгером. Отец 33 года жил на Волге, 30 лет – в Северном Казахстане и 31 год в Узбекистане.

Мама, Анна Давыдовна, работала санитаркой в медпункте и ее тоже очень любили. Она, как и отец, хорошо понимала по-казахски, но не говорила. Зато у нее была феноменальная память, она знала всех детей в районе, кто, где и когда родился, как его называли. По рассказам мамы, я даже составил свое родословное древо из нескольких поколений. Одна из моих сестер Эльма тоже окончила казахскую школу.

Я всегда подчеркиваю, что меня сделали человеком три субстанции – родители, родной аул и книга. Они неотделимы друг от друга. Я глубоко благодарен аулу и одно из моих произведений так и называется «Аул». В нем я описываю, каким был казахский аул раньше, и каким его сделали в годы независимости.

Искренность, задушевность, открытость, сердечность, терпение, отсутствие лицемерия, двуличности. Казахи всегда были честными по отношению ко всем и ко всему, в том числе к моим родителям, ко мне. Я был любимчиком аула, про меня уважительно говорили «Белекенин баласы», то есть сын Бельгера, меня называли Кира от имени Гера.

Когда во время студенчества я приезжал домой, весь аул выходил ко мне навстречу, меня приглашали из дома в дом, резали барана, готовили вкусный куырдак, бешбармак, пекли баурсаки, расспрашивали о жизни в городе, рассказывали свои новости и радовались моим небольшим подаркам: я им всегда привозил чай и сладости. Сейчас настали другие времена, и казахи стали другими [55, с. 5].

Повесть «Перед далью», «Завтра будет солнце», романы «Дом скитальца», «Туюк су», рассказы «Земляника степная», «Чайки над степью», «Каменный брод» и «Была весна» – одни из самых значимых произведений Бельгера о военном детстве в казахском ауле.

Главной особенностью этих произведений является изображение событий через призму восприятия ребёнком; детский взгляд главного героя на окружающую жизнь определил своеобразие сюжета и композиции разножанровых произведений, их стилистическую окраску.

С первых же страниц главными словами для мальчика становятся «эвакуация», «аул», «спецпереселенец», «судьба», «память», «дорога», «дом», «скиталец», «война», «родина».

Особое внимание автор акцентирует на ощущениях и внутреннем мире мальчика, чуткость и отзывчивость не по годам развитого ребёнка, способного ощутить, понять душевное состояние аульных стариков, с каждым днём всё больше постигающего их народную мудрость и доброту и продолжает: *«МОЙ аул, моя опора, моя защита, мой дом, здесь я не пропаду, здесь обо мне позаботятся, в беде не оставят, я член этой общины, этого сообщества, аул в ответе передо мной, а я в ответе перед ним, и если я совершу что-нибудь постыдное, я опозорю не только своих родителей, а свой аул, мне будет стыдно смотреть в глаза дедушкам Абилямжину, Ергалию, Омару, Коспану, Жайлаубаю, Нуркану, Кали, Сейтходже и многим-многим другим»* (из эссе «Аул») [16, с. 44].

Храм души ребёнка раскрыт для всего мира. Мальчик Гарри всему радуется, всё любит, всем интересуется, постигает культуру казахского народа. В прозе Бельгера о детстве маленького немецкого мальчика в казахском ауле в годы войны отсутствует назидательность, менторность, для него важен неповторимый, особый духовный мир любознательного ребёнка.

Мир детства показан в спокойных тонах, как светлый поэтический период в жизни каждого человека, хотя детство Гарри проходит в суровые военные

годы, он нуждается в еде, одежде, обуви, как и большинство окружающих его друзей-тамыров, и в его душе тоже иногда проступает чувство тревоги и тяжести [38, с. 69].

Казахстанский журналист Жанна Ескуатова, ещё будучи аспиранткой, написала о Герольде Бельгере документально-биографическую повесть, которая даёт подробное описание начала жизненного и творческого пути писателя, написана живым, интересным языком и содержит подлинные сведения, помогающие нам понять и оценить богатство души и талант как самого автора, так и его героя.

За долгие годы творческой деятельности Герольд Бельгер издал десятки книг, перевел десятки томов казахской и немецкой прозы. Он является автором романов «Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», «Зов», сборников повестей и рассказов «Дождь со снегом», «Эль», «Каменный брод» и многих других произведений.

В 1977 году выходят в свет его сборники рассказов «Чайки над степью» и «За шестью перевалами», в которых автор также передаёт свои детские впечатления. В произведении «За шестью перевалами» звучат мотивы казахских сказок, рассказанных аксакалами, чудятся призраки детских страхов, навеянные странными звуками, доносящимися из оврага за околицей, где по слухам водилась нечистая сила. Маленькому Еркешу – герою произведения – кажется, что он за ветровым стеклом автомобиля видит, «будто сказочные джинны – всадники и жузтырнаки гонятся за ними».

Юные герои рассказов Бельгера видят в каждом проявлении природы какое-нибудь чудо, их привлекают владения водного царя Сулеймана, грезится волшебство в облике *«белой птицы, из которой выйдет батыр в железной кольчуге, в островерхом дулуга – шлеме и пригласит в актабани– самолет»* [38, с. 189]. Описание природы в данном случае возрождает образы казахского фольклора.

Маленькие герои в рассказах Бельгера растут медленно, как кюй – протяжный и раздольный. Им интересны и тайна, что скрывается за шестью перевалами на конце дороги, лентой убегающей от аула, и новые лица. Столкновение с жестокостью или умудренностью взрослых является для них первым шагом на пути к взрослению. Так, маленький Еркеш, впервые столкнувшись со смертью, при виде убитых лисенка и джейрана, в ужасе прячет лицо на груди у матери, он внезапно открывает – взрослые бывают жестокими. В новелле «За шестью перевалами» слышны отзвуки поездки Бельгера и Нурпеисова в 1964 году к заливу Туши-Бас. К писателям нанес визит в сопровождении огромной свиты, на трех машинах – газиках, председатель райисполкома и пригласил их на ночную охоту.

События той ночи, пейзажи и пикник описаны Бельгером с достоверной точностью, оставляют в памяти мальчика неизгладимое воспоминание. Образ героя новеллы – начальника Алеке стал собирательным – он вообрал в себя черты знакомых писателю сильных мира сего. Алеке – циничный и пресыщенный властью начальник. Он с издевкой обращается с родителями

Еркеша – простыми тружениками моря. Его даже не смутило, что маленький Еркеш помешал ему выстрелить в самку джейрана.

Алеке лишь на миг обозлился и тут же забыл об этом поступке ребенка. Самодур, ослепленный властью, никогда не поймет чистого потока сознания ребенка и его родителей, чьи души облагорожены добром и трудом.

Идея чистой созидательной жизни, основанной на светлых помыслах, неприятие насилия и низких инстинктов лежат в основе творений Бельгера, схожих с полотнами, где в центре схлестнулись в вечном противостоянии, как на казахских батырских ристалищах «жек-пе-жек» – «один на один»: благородство и подлость, добро и жестокость, разум и бездуховность [13, с. 26].

Сборник содержит автобиографическую повесть «Перед далью». Ключевая идея повести – это взаимопостижение немецких переселенцев и казахов. Вводя целый калейдоскоп казахских героев, Бельгер высвечивает суть казахского характера, его проявление в моменты общения, выказывания благородных черт, в стойкости, в борьбе с опасностью, со смертью, олицетворением которой стала для жителей аула война [38, с. 153-154].

С первых дней своего появления в казахском ауле маленький немецкий мальчик испытывает интерес к языку и быту казахов, узнавая много занимательных историй из уст бабушки-соседки Зайры, сидящей с утра до вечера во дворе дома с неизменной деревянной прялкой-юлой – үршық.

Именно от неё впервые услышит будущий переводчик и писатель множество значений и оттенков казахских слов, а с помощью аульных аксакалов – хранителей древних традиций и мудрого опыта, представляющих собой нравственный костяк жизни, имеющих непререкаемый авторитет среди молодого и среднего поколения, познакомится с содержанием многих старинных дастанов и легенд, получит множество богатых впечатлений.

С этого времени Герольд Бельгер ощутит в себе необыкновенную жизненную силу, богатство и красоту казахского языка, приобщится к литературе и культуре казахского народа [38, с. 189].

Целый ряд образов почтенных аульных стариков, повлиявших на становление и развитие личности Герольда Бельгера, во многих его автобиографических произведениях: возница Тайшик, Сеит-ходжа, беркутчи Абилямжин, дедушка Ергали (выведенный под именем Сергали), почтальон Нуркан, братья-кузнецы Омар и Коспан. Своим ласковым вниманием и теплотой, бесценным опытом, неизбывной памятью прошлого они заменили маленькому пришельцу его немецких бабушек – грессмуттер – Олинду и Элизабет [34, с. 145].

В своем рассказе «Дедушка Сергали» Бельгер рассказывает об одном из самых уважаемых в ауле аксакалов – дедушке Сергали, которого все дети называли «ата». Часами наблюдая за играми детей на пустыре, он нередко угощал их разными домашними вкусностями и проверял знание ими своих предков до седьмого колена согласно священным обычаям казахов.

Стремясь не отставать от своих сверстников-казахов, маленький Герольд, краснея и волнуясь, как во время экзамена, мог назвать только несколько имён: «Отец – Карл, дед – Фридрих, прадед – Хайнрих», на что дедушка Ергали,

подбадривая «сары балу», ласково отвечал: «Э, жарайды. Для немца и этого достаточно».

В этом рассказе писатель также отмечает и поэтический талант Сергали, который, несмотря на свой почтенный возраст, часто участвовал в айтысах – музыкальных состязаниях акынов-импровизаторов: *«вздохали старики, гневно пылали глаза фронтовика-бригадира, старухи закрывали рты кончиками жаулыков. Пел дедушка Сергали, и тихо было вокруг, даже Ишим внизу под обрывом не ярился, не швырял пену на камни Тас-Уткеля»* [34, с. 451]. Бельгер подчеркивает, как старый, мудрый Ишим внимает речам и песням аксакалов, словно живое мыслящее существо, на время приостановив свой вечный бег. Писатель выделяет и такие основные черты стариков-казахов, как неторопливость, чувство собственного достоинства, степенность.

Многие рассказы Герольда Бельгера посвящены матери – Анне Давидовне – верной помощнице своего мужа – аульного фельдшера Карла Бельгера. Долгими зимними вечерами в Северном Казахстане в маленьком саманном домике звучали в её исполнении песни на немецком языке (в том числе, одна из любимых «Du hast Diamanten und Prelen») под звуки отцовской скрипки.

По воспоминаниям автора, в их доме бережно хранились скрипка, гитара, балалайка и мандолина, и как-то семье Бельгеров довелось выступить на школьной сцене с казахской народной песней «Қамажай», во время исполнения которой сам Герольд играл на мандолине, отец – на скрипке, а мама – на гитаре, вызвав восхищенное одобрение аульных жителей: «Мы сразу и бесповоротно завоевали расположение аулчан» [23, с. 26].

Г. Бельгер отмечает, насколько близка музыка, как казахам, так и немцам, она помогает преодолевать различные жизненные ситуации и тесно связана с картинами пейзажа. Манера исполнения песен разными народами имела отличия: немцы использовали многоголосие, а казахи пели в унисон.

С детских лет полюбил он «раздольные, широко льющиеся, проникновенные, протяжные, то печальные, то ликующие» казахские песни, свободные и широкие, как казахские степи и сердца самих казахов, открытые для всех [3, с. 24]. Казахскую степь он ощущал как некий добрый дух, охраняющий его и повсюду следующий за ним, даря покой, уют и стабильность. Предаваясь долгим размышлениям на этой, ставшей для него родной и близкой, земле, он замечал, как «...мирно и спокойно думалось. До щемящей боли чувствовалась причастность к чему-то незыблемому, несуетному, возвышенному и прекрасному» [44, с. 45].

С большим вниманием и волнением слушал маленький Кера, Карри, как называли его аулчане, праздничные и свободолобивые, грустные и весёлые песни, среди которых уже полюбившиеся ему «Ақсиса», «Құлагер», «Ләйлім шырақ», пока ещё не совсем постигая смысл их слов и с сожалением думая вначале: «Жаль, что не понимаю слов, но понимание скоро придет. Лица аулчан светлели, когда они пели. Глаза сияли. А ведь шла война, жили скудно и радость была редкой гостьей» [33, с. 87].

В тихие часы бесконечных раздумий он ощущал, как на этой, ставшей для него родной и близкой, земле «...мирно и спокойно думалось. До щемящей боли чувствовалась причастность к чему-то незыблемому, несуетному, возвышенному и прекрасному» [26, с. 98].

Здесь у «крутогрудых валунов Каменного брода» ничто не мешало ему в одиночестве предаваться мечтам и оживлять картины героического прошлого из жизни казахского народа, представляя образы могучих степных батыров и их тулпаров. В эти минуты в нём пробуждалось пока ещё смутное желание стать писателем.

Буйство весенних или летних красок степи, разбушевавшийся зимой буран – нередкий гость в Северном Казахстане – притягивали мальчика с одинаковой силой и вызывали у него одно общее желание – сбежать из дома «в степь, укрыться в чащобе перелеска или в тальнике тугая, найти укромное местечко в овраге. Закутаться в отцовский брезентовый плащ-палатку и наедине, замирая от ужаса и восхищения, часами наблюдать за упивавшейся своим неистовством разгульной стихией». В такие минуты, наблюдая над тем, что творится в природе, он «испытывал неопишуемый восторг. И кричал как безумный, размахивая руками, подзадоривал небо, готовое вот-вот обрушиться на вздыбленную землю» [38, с. 63].

Неистовство стихии порождало в его неокрепшем мозгу ассоциации с тем человеческим злом и несправедливостью, которое пролетело над головами его и тысячами других семей немцев-спецпереселенцев. В его душе начинали зреть ростки протеста против всеобщего зла и несправедливости. Подобные мысли и чувства его вызвало знакомство на уроках литературы в школе с «Песней о Буревестнике» Максима Горького именно через призму детского восприятия описания бури, образа одинокого буревестника, а не как призыв к революции.

Одним из ярких детских впечатлений для маленького Герольда, как и для всех аульных ребяташек, было наблюдение за ранним весенним половодьем, когда на холмах и склонах оврагов уже расцветали первые подснежники, а бурные воды Есиля готовы были с грохотом и шумом разлиться: «Для нас, аульных мальчишек, не было более величественного и поразительного зрелища. Промокшие, продрогшие мы подолгу стояли у кручи и зачарованно следили за грандиозным побоищем, разыгравшимся внизу, у Каменного брода» [38, с. 79].

Впечатлительный маленький мечтатель воображал, как сквозь грохот волн Есиль обращается к нему: «Видишь, какой я сильный, неукротимый! – будто говорил он. – Для меня нет никаких преград. Будь и ты смелым, отважным. Дерзай! Стряхни с себя лень, сонную одурь. Не унывай, не робей, никогда не теряй надежды. Не страшись ни бед, ни горестей. Иди прямо, смотри вперед, не сворачивай, не ищи мелкого и тихого брода!» [33, с. 234].

Именно неистовые волны Есиля воспитают в нем такие качества характера, которые пригодятся ему в будущем и сохранятся до конца его дней: чувство собственного достоинства, решительность, неприятие всякого рода несправедливости, честность и прямота.

«Я всегда подчеркиваю, что меня сделали человеком три субстанции – родители, родной аул и книга. Они неотделимы друг от друга. Я глубоко

благодарен аулу и одно из моих произведений так и называется «Аул». В нем я описываю, каким был казахский аул раньше, и каким его сделали в годы независимости», – писал Г. Бельгер [7, с. 68].

В знаменитом эссе «Аул» особое внимание автор акцентирует на ощущениях и внутреннем мире мальчика, чуткость и отзывчивость не по годам развитого ребёнка, способного ощутить, понять душевное состояние аульных стариков, с каждым днём всё больше постигающего их народную мудрость и доброту: *«МОЙ аул, моя опора, моя защита, мой дом, здесь я не пропаду, здесь обо мне позаботятся, в беде не оставят, я член этой общины, этого сообщества, аул в ответе передо мной, а я в ответе перед ним, и если я совершу что-нибудь постыдное, я опозорю не только своих родителей, а свой аул, мне будет стыдно смотреть в глаза дедушкам Абильмажину, Ергалию, Омару, Коспану, Жайлаубаю, Нуркану, Кали, Сейтходже и многим-многим другим»* [16, с. 42].

Обращение к аулу звучит как духовная близость, родство с его жителями, здесь наблюдаются усиление, градация по возрастающей, присущие стилю писателя, показывающие огромную значимость аула в его нравственном становлении: *«МОЙ аул, моя опора, моя защита, мой дом...»*.

Бельгеру принадлежит меткое, образное, тонкое по восприятию обозначение *еля* как *эля*, именно так он его называет в отличие от казахского *ель* (население, народ, страна), ему посвящено немало лирических отступлений в его прозе. Иногда автор задумывается над тем, какое именно место в его памяти отведено данному понятию, какой уголок родной земли он может действительно точно назвать своим элем: *«Где он, мой эль? Какое место, какой уголок на земле я могу назвать, подобно Нукену и многим другим моим сверстникам этим словом – «мой эль»? Может, тот город на Волге, где я родился? Или село Мангейм Гнаденфлюрского кантона, родное село моих родителей, следует считать моим элем? Но разве могу я то местечко назвать своим **родным краем**, своим «элем», если десятки лет там ни разу не был и если оно просто – на просто более не существует? И названий-то таких – Мангейм, Гнаденфлюр, Зихельберг – и в помине не осталось. ... По словам одного моего знакомого, бывшего жителя Мангейма, несколько лет назад посетившего **отчий край**, на месте школы и колхозной конторы торчат три чахлые акации – единственная примета той, не столь уж и давней жизни... Так, может, **мой эль** – казахский аул на берегу Ишима, где я вырос, учился, обрел друзей, уют и с которым связаны едва ли не лучшие мои воспоминания? О, да... это место я вспоминаю с благодарностью, с добром, ибо там я почувствовал себя человеком и оттуда, через Ишим, отправился в далекий путь жизни...»* [6, с. 176].

Тема *эля* неизменно сливается с темой родного отчего края, когда автор не может разграничить эти понятия в своём сердце и в своей памяти, – для него они являются взаимозаменяемыми синонимами. Герольд Бельгер с одинаковой любовью и нежностью называет элем как место своего рождения в немецком городке на Волге, так и казахский аул, навсегда ставший для него и его близких родным домом.

Неслучайно уже в подростковом возрасте будущему писателю были присущи юношеский максимализм, нетерпимость ко всякого рода проявлениям несправедливости и чувство собственного достоинства, решительность, которыми он обладал до конца своих дней.

Осенью 1944 года Герольда отправили учиться в казахскую школу, сразу во второй класс. К этому времени казахским языком он уже владел прилично, заучивая наизусть стихи Жамбыла и Абая. «Он начинает вести дневник, и привычка вести ежедневный отчет дел, фиксация событий, деталей укоренится на всю жизнь. Любовь к чтению, созерцательное отношение к миру, жадность в постижении характеров окружающих людей, их линий судеб – все это понемногу содействовало тому, желание стать литератором в сознании мальчика уже обретало неясные формы», – отмечает Жанна Ескуатова [38, с. 179].

Бельгер вспоминает, что впервые это желание он озвучил во время разговора со сверстниками о том, кто из них кем станет в будущем, и многим оно показалось странным, необычным, несбыточным. Он понимал, что для этого необходим неустанный, кропотливый труд и серьезные знания.

Большое место в произведениях писателя о детстве занимают воспоминания о школьных учителях – учителе казахского языка Муслиме Садыковой, учителе казахской литературы Жилгельде Муканове и учителе русского языка и литературы Марии Петровне Егоровой, которые, по его словам, были «педагогами-энтузиастами сегодняшней реформенной формации. Работу в аульной школе они понимали как высокую миссию» [28, с. 453].

В школьные годы пробовал Бельгер сочинять стихи на казахском языке, а благодаря роману Мухтара Ауэзова «Путь Абая», был покорен «магией поэтических слов» Ауэзова и навсегда увлёкся постижением великой Вселенной Абай -Ауэзов.

Мария Петровна «приобщала, как могла к культуре и духовности» аульных ребятишек, организовывая по вечерам занятия драматического кружка, проводя костюмированные балы, выставки и викторины. Благодаря ей, он обогатил словарный запас русскими словами, познакомился с творчеством русских и зарубежных композиторов, писателей, художников, приучился к систематическому чтению.

«Этой тихой, необычайно скромной, внешне неприметной женщине удалось зажечь свечу добра, человечности, познания в душах многих аульных подростков. Мы все ей многим обязаны, сознаем это лишь с годами», – с благодарностью напишет о ней через много лет Бельгер [28, с. 349]. Своим творчеством он платит добром за теплоту и любовь, полученную от жителей того аула, где он жил и вырос: «Платить и платить мне долги людям, за всю жизнь не выплатить» [38, с. 152].

Своего отца Карла Бельгера писатель выводит под именем долговязого дяди Иоханнеса, знакомит со смертельно больным Шукуром, который, несмотря на свою неизлечимую болезнь, продолжает сочинять музыкальные композиции и песни, радостно встречает новый день, каждый из которых может стать для него последним, и не ропщет на свою судьбу. Окружающие

говорили, что «он сражался до последнего, он исчерпал свои жизненные ресурсы, он был герой!» [15, с. 68].

Повесть «Завтра будет солнце» Бельгер посвятил хирургу Вере Леонтьевне Никифоровой, спасшей ему жизнь, обдумывая сюжет этого произведения много лет. Особенность повести состоит в том, что действие разворачивается во временной параллели, которая проведена между взрослым человеком – писателем Арвигом Карлсоном и десятилетним мальчиком из его воспоминаний о прошлом – им же самим в детские годы. Повесть вмещает в себя два временных отрезка: современность – больничные будни писателя и прошлые годы борьбы с болезнью.

Единственными нитями, объединяющими во времени поправляющегося писателя и, вступившего на путь испытания недугом, мальчика является общая духовная и физическая боль и память. Они навсегда связаны общей физической болью, которую вначале он ощущал совсем ещё мальчиком, а затем – став взрослым мужчиной. Тяжёлый физический недуг помог главному герою выработать в себе способность терпеть боль, нравственно вырасти, обрести силу духа, заново переосмыслить собственную жизнь.

Боль пролегал между мужчиной и мальчиком, став катализатором духовного совершенства. Перед мысленным взором писателя проносились: тяжёлый путь с отцом до больницы по скованной морозом степи, облик старика – казаха, приютившего путников, дни вынужденного постельного режима и борьбы с жалостью к себе. Физический недуг послужил толчком к процессу выработки сил духовных, к переосмыслению жизни, к надежде на будущее.

Герои рассказов и повестей Г. Бельгера находят в себе мужество оставаться верными благородным идеалам, не ронять чести и достоинства перед лицом испытаний и несчастий. Завтра будет солнце, так будет и не может быть иначе – таков их жизненный принцип, это кредо и самого писателя. Культ солнца, провозглашенный писателем и в жизни и в творчестве, нашел свое выражение и в общении с людьми. Созвучный по своему внутреннему настрою американскому фантасту Рэю Бредбери, Герольд Бельгер утверждает истину: «Дух рожден от Солнца, а тело – порождение ночи».

2.2 Тема военного детства в произведениях Герольда Бельгера «Дождь со снегом» и «Дом скитальца»

Лев Николаевич Толстой – один из крупнейших писателей русской классической литературы – последние годы своей жизни посвятил тому, что открыл школы для детей бедняков и написал цикл рассказов на тему воспитания («Филипок», «Ученый сын», «Хозяин и собака» и др.).

В памяти каждого советского человека и современных детей Самуил Маршак, Корней Чуковский, Сергей Михалков, Агния Барто, Аркадий Гайдар, Елена Благинина, Валентин Катаев, Николай Носов, Виктор Драгунский и многие другие поэты и писатели останутся как авторы замечательных детских книг, которые учат не одно поколение доброте, справедливости, вере в чудеса.

Создателями издательства «Детская литература» явились Самуил Маршак и Корней Чуковский – самые популярные авторы XX века.

Наш современник Герольд Бельгер о «детском вопросе» в литературе рассуждал серьезно. Он считал, что для детей нужно писать, как для взрослых, «только лучше», поддерживая известное мнение о том, насколько это сложная и трудная задача и поясняя: «писать для детей – это сложно, это трудно, это самое трудное дело. Нужно знать детей, нужно их чувствовать». Душу детей надо знать и чувствовать.

А. Дандыгулов отмечает, что в беседе с ним писатель выделил как самое сокровенное рассказ «Земляника степная», в котором рассказал об одном из послевоенных годов в ауле, когда, будучи подростком, он сильно заболел и лишь поход на земляничную поляну, вера в смысл старинной легенды, сила воли и огромное желание жить спасли его от смерти: «Стояло лето второго послевоенного года. А я помню тот день во всех подробностях и поныне. И, кажется, именно тот случай, тот поход на земляничную поляну странным образом определил мою судьбу» [35, с. 4].

«Аул в снегу», «Дедушка Сергали», «За шестью перевалами», «Рыжий Рысбек из аула Кастек» – все эти произведения продолжили в творчестве Бельгера детскую тематику. С большой и любовью и уважением он пишет о своём отце Карле Бельгере, который самоотверженно в годы войны лечил людей не только в том казахском ауле, куда был заброшен судьбой, но и в самых отдаленных, содержал семью, ухаживал за скотом и огородом, был непререкаемым авторитетом для всех аулчан: *«Несказанно повезло мне. Как бы сложилась у меня судьба без папы – и представить себе не могу. Ныне прошло ровно семьдесят лет с того весеннего слякотного дня в приунывшем нашем ауле перед весенним половодьем Есиля, а папины сухари той поры и поныне в моей памяти»* [20, с. 45].

Одни из самых известных и многочисленных монологов писателя о родной земле содержатся в сборнике «Дождь со снегом», которые показывают его безмерную любовь и привязанность к казахской земле, ставшей для него родным домом и вечную благодарность ее народу.

Свои немецкие корни он также помнит и чтит, храня в своем сердце детские воспоминания о щедрой, богатой земле Поволжья, насыщенной трудом немецкого народа, заселившего ее когда-то: *«Вдали от дома, от своего родного края, от своего кровного эля, непременно обнищает душа, теряются или тускнеют какие-то неведомые, но осязаемые качества твоей человеческой сути. И нетрудно представить, как встретят его там, в родном ауле, в окрестных аулах, как отовсюду соберутся люди, чтобы поглядеть на своего именитого земляка, разделить с ним его скромное торжество, помянуть мертвых, благословить и вдохновить своего птенца на новые свершения.*

– Пай, пай! Какой вкус, какой аромат! Это тебе не городская мокрая сосиска! Э-э... верно, верно: родной эль – золотая колыбель. И вода родного края – слаще и даже пыль родной земли – благодать.

Эль... эль... да, да, но где он, мой эль? Какое место, какой уголок на земле я могу назвать, подобно Нукену и многим другим моим сверстникам этим

словом – «мой эль»? Может, тот город на Волге, где я родился? Но в памяти моей сохранился лишь маленький пятачок – детская игровая площадка с качелями и крохотными деревянными домиками – перед трехэтажным кирпичным зданием, в котором обитали служащие и курсанты летной школы. И это все, или почти все. И в том, что больше ничего не помню, – нет моей вины. Или село Мангейм Гнаденфлюрского кантона, родное село моих родителей, следует считать моим элем? Что ж... об этой точке земли я помню чуть больше, хотя бы потому, что когда оттуда нас... как бы это сказать поделикатнее, помягче... эвакуировали, мне было полных шесть лет. И я неплохо помню бабушкин дом со всеми его пристройками и неизменной летней кухней-бакхаузом, помню улицу, хлипкий палисадник с чахлыми деревцами, и даже шаткий мостик, через который проезжала полуторка с колхозными музыкантами – духовиками в соседнюю деревню Зихельберг, и я среди них, – помню. Помню кое-кого из сельчан, типы лиц, песни тех предвоенных лет... во мне и поныне живут дух и облик того удивительного, как мне теперь чудится, времени. Но разве могу я то местечко назвать своим родным краем, своим «элем», если десятки лет там ни разу не был и если оно просто-напросто более не существует? И названий-то таких – Мангейм, Гнаденфлюр, Зихельберг – и в помине не осталось. Вернее, названия эти остались лишь в памяти пожилых людей, тех, кому ныне за пятьдесят-шестьдесят, а вот от самих этих некогда многолюдных, цветущих сел в буквальном смысле и следа на земле не существует... По словам одного моего знакомого, бывшего жителя Мангейма, несколько лет назад посетившего отчий край, на месте школы и колхозной конторы торчат три чахлые акации – единственная примета той, не столь уж и давней жизни...» [20, с. 21].

Так, может, мой эль – казахский аул на берегу Ишима, где я вырос, учился, обрел друзей, принят и с которым связаны едва ли не лучшие мои воспоминания? О, да... это место я вспоминаю с благодарностью, с добрым, ибо там я почувствовал себя человеком и оттуда, через Ишим, отправился в далекий путь жизни...

Сердце мое каждый раз сладко сжималось, когда я возвращался на каникулы в отчий дом, и моему приезду искренне радовался весь аул, и стар, и млад приходили в наш дом поздравить моих родителей, посмотреть на меня, намекнуть, что по такому случаю не грех почтенному Карлу «окровавить нож», то есть, зарезать ярочку и угостить достойных аульчан, и я, по казахскому обычаю, непременно обходил каждый двор, отдавая старикам «салем», принося старухам свои немудреные подарки – плитку чаю, горсть городских конфет, пачку-другую печенья, крохотные плитки шоколада, а потом, в свой черед, каждый аулец считал своим долгом пригласить меня, чтобы я отведал яств родного эля...

И я чувствовал себя не только сыном отца, но сыном аула, душой проникался, что это мой аул, мой эль, и, вернувшись в город, говорил всем знакомым с понятной и законной гордостью: «Вернулся из эля», «Навестил эль», и это звучало так естественно, так искренне, что никто ни разу не

усмотрел некой странности, некоторого, что ли, несоответствия между этим исконно казахским выражением и моим явно не казахским обликом.

«Здесь, в долине, в Березовке и далеко вокруг в ее окрестностях, живут многие мои соплеменники, и многие успели пустить тут глубокие корни, ибо родились здесь, и выросло здесь не одно, а два-три и более поколения, и значит, для них это и есть родной эль, хайматорт, малая родина, и уже многие из потомков бывших поселенцев или спецпереселенцев теперь вправе говорить: «моя земля», «мой край». И, может, именно это имел в виду немногословный Хайнрих, когда спросил неожиданно: «Хорошо, не правда ли?» [20, с. 73].

В романах «Дом скитальца» и многих других произведениях сходятся воедино главные темы, беспокоившие Г. Бельгера на протяжении всего его творчества. Эти произведения, являющиеся многоплановыми, с разветвленными сюжетными линиями, располагающими стройной оригинальной композицией, подводят своеобразный итог разрабатываемым ранее темам, поднимают их на новый уровень художественного обобщения, так как в этих произведениях отображены целые пласты истории (репрессии, война, трудовая армия, послевоенное время и современная действительность).

Образ Гарри в романе «Дом скитальца»

«Дом скитальца» состоит из трех частей, названных по именам главных героев – «Давид», «Христьян», «Гарри», разница в возрасте которых составляет 10 лет. Показаны три поколения немцев-спецпереселенцев, волею судьбы в годы Великой Отечественной войны попавших в казахский аул.

Автор показывает жизнь не только основных героев, но и большого количества второстепенных (Газиз, Маруар, Багира, Жарас, Николай Вагнер, Лидия, Есильбай, Иоганн и др.) и эпизодических (Яковчук, Фогель, Фрезе, Виктор Кляйн, Виктория и др.) персонажей.

Трагичность в повествовании ощущается сразу – в контрасте сухого, резкого документального приказа о депортации (эпиграф к первой главе) и эмоциональной художественной ткани, в абсурде и безвыходности первой изображаемой ситуации – распределении депортированного немецкого фельдшера Давида Эрлиха на работу в далёкий казахский аул.

Вторая глава говорит о возвращении из трудармии младшего брата Давида Христьяна, юного учителя истории, лиричного, интеллигентного, душевно хрупкого юноши, смертельно больного, сумевшего вырваться из ада трудармии, но умершего через некоторое время в казахском ауле вдали от родины.

Изображая людей разных национальностей, Г. Бельгер предельно честно показывает достоинства и недостатки немцев, казахов, русских. К примеру, неоднократно воспеваются гостеприимство казахов («А казахи все такие. Удивительно: гол, нищ, а на радостях последнее отдаст»), зато «красивый» в глазах Нуркана аул Давиду, выросшему в немецком селе с добротными домами и крашеными воротами, кажется неказистым [17, с. 73].

Автор романа не отдаёт предпочтения ни одной из наций, одинаково объективно оценивая поступки соплеменников и иноплеменников. С

неподражаемым мастерством Бельгер живописует быт казахов, немцев, русских, проявляя глубокие знания национальной кухни, жизненного уклада, обычаев. Важным достоинством романа предстаёт многоязычие (использование на русскоязычном фоне немецких и казахских слов и выражений) и живость, характерность речи.

Человеческое состояние в романе «Дом скитальца» углублено богатой пейзажной палитрой. Природа то ликует, невзирая на трагические события (контраст), то отстраняется от человека, которому также временно нет дела до окружающего ландшафта (аналогия), то соперживает героям (усиление).

Герольд Бельгер показывает события в ауле глазами разных людей, важной из которых является изображение действительности глазами немецкого мальчика Гарри Вальтера (его имя созвучно одному из любимых сказочных героев современных читателей Гарри Поттеру).

С самых ранних лет обучения в школе у мальчика проявляется интерес к литературе: *«И как же это получается у больших поэтов? Почему те же слова, привычные, знакомые, у них светятся, волнуют, играют бесконечными гранями?.. Значит, есть какая-то тайна»* [17, с. 41]. Он с большим волнением, тягой к знаниям жадно пропускает через свою душу и сердце поэтические строки Пушкина, Абая, Гёте, которые станут для него отныне творческим ориентиром на всю жизнь.

Третья глава повествует о том, как Гарри лучше всех учится в казахской школе, испытывает чувство первой любви к девочке-казашке Багире, участвует в различных школьных и аульных событиях наравне со взрослыми. Хотя Гарри и Багире не суждено в будущем быть вместе, их чувства вполне романтичны и сильны, они усилены развитием более счастливых и прочных отношений между будущими супругами – его сестрой Олке и аульным фельдшером Давидом.

Любимец всего казахского аула, прекрасно владеющий тремя языками – немецким, казахским и русским – Гарри Вальтер для членов приёмной комиссии является прежде всего представителем немецкой национальности, лишённым всяких прав, не имеющим ни родины, ни паспорта. Преодолев огромные трудности ценой собственного упорства, силой воли, стремлением учиться, Гарри сумел добиться поступления в алматинский вуз, стал успешным студентом.

Для становления его как творческой, так и человеческой личности, большую роль сыграли различные жизненные трудности, которые он с честью преодолел – чувство унижения при получении школьного аттестата зрелости, выселение из общежития, две попытки поступления в вузы, «ритуальные» беседы с комендантом, общение с Николаем Вагнером – «бунтарём-одиночкой» и с людьми, которые смогли оказать ему помощь, рискуя собственным положением в обществе.

Ещё большую радость и удовлетворение ему приносит получение «серпастого, молоткастого» паспорта гражданина СССР – символ его надёжного существования в этом мире, осуществления всех возможностей.

В финале романа студент Вальтер продаёт самое ценное для молодого человека послевоенного времени – вельветовую курточку, сшитую мамой, чтобы отметить радость получения важного документа, символизирующего нравственную свободу немецкого юноши, обретения прав наравне с другими: *«Пили за свободу, за здоровье чугунолицего коменданта и за новый паспорт»* [17, с. 375].

Несмотря на общую трагичность романа Герольда Бельгера «Дом скитальца», вызванную описанием тяжёлого положения немцев-спецпереселенцев во время войны, события произведения наполнены добротой, в них звучит вера в лучшую жизнь, в наступление грядущих важных общественных перемен.

Каждый герой добивается своей цели, приходит к осуществлению своей мечты трудным, но верным путём: Давид выстроил по-немецки добротный, крепкий дом для своей семьи, решив навсегда осесть в казахском ауле, который стал для него родным; Гарри становится студентом вуза и гражданином советской страны, получив заветный паспорт; возрождается жизнь жителей послевоенного аула.

Девятнадцатилетний Гарри одержал первую маленькую победу в начале своей взрослой жизни, а впереди его ждало еще много радостных минут и горечь разочарований. А пока юный «скиталец» учится прочно вставать на ноги, чтобы укрепиться в жизни, в отчем доме. *«У каждого человека должно быть свое место на земле, где он может чувствовать себя уверенно и защищенно»* [17, с. 280].

Он учится строить свою жизнь – любовно, прочно, надежно – так, как сумел отстроить в казахском ауле, ставшем для них родным, Давид Эрлих «свой дом – свой островок, свой клочок, отвоеванный у судьбы, свою маленькую крепость», где, наконец, найдет свое пристанище «вечный скиталец».

Вечным напоминанием о прошлой несправедливости и испытаниях немецкого народа, неизбывной печалью останется память об умершем Христьяне, разделившем судьбу своих невинно осуждённых соплеменников [40, с. 127].

В романе «Туюк су» показан казахский аул, в котором проживают дружно представители разных национальностей во время войны и в послевоенное время, а также в наши дни. Судьбы разных людей тесно переплетены между собой, рассказывают о судьбе немцев-спецпереселенцев, о жителях аула – казахах, чеченцах, корейцах, поляках и многих других. Люди в годы тяжелых испытаний в тылу во время войны помогают друг другу, выживают в условиях современного кризиса, обретают веру и достоинство.

Показана жизнь главного героя Эдмунда Ворма со времени его появления в казахском ауле в 1941 году маленьким мальчиком, затем – годы его возмужания и взросления, отъезд семьёй в Германию и возвращение на родину через 15 лет. Писатель Ворм встречается со старыми друзьями и знакомыми, вспоминает годы детства, важные аульные события, задается вопросами о том,

кто он на этой земле и что эта земля дала ему, что для него означает слово родина [18, с. 123].

Таким образом, почти во всех произведениях Герольда Бельгера, а в частности, в романе «Дом скитальца», в повестях «Перед далью» и «Завтра будет солнце» показан временной отрезок повествования протяженностью с 1941 по 1956 годы с экскурсами в жизнь и быт немцев Поволжья 20-30-х годов XX века.

Автор отражает трагическую, полную драматизма, судьбу российских немцев, депортированных в 1941 году в Казахстан, показывая нелегкий процесс вживания переселенцев в новую среду. Описывая реальную жизнь трех поколений одной немецкой семьи, он отражает на ее примере живую историю народа, огульно подвергнутого гонению в годы лихолетья и обретшего в Казахстане приют и надежду. Герои произведений Бельгера – казахи, немцы, русские – мужественные, благородные люди, живущие единой дружной семьей и не утратившие добрые человеческие отношения, способные прийти на помощь друг другу в трудные минуты горя и поддержать в дни радости.

Центральное место во многих повестях и рассказах писателя занимает описание военного детства немецкого мальчика, для которого казахский аул стал родным домом и где он обретает преданных и верных друзей на всю жизнь, а его нравственные идеалы подпитываются мудрыми наставлениями аульных аксакалов.

2.3 Духовная переключка в отражении темы детства в произведениях Ибрая Алтынсарина и Герольда Бельгера

Ибрая Алтынсарина и нашего современника Герольда Бельгера связывает много общего: писательская, переводческая, педагогическая и общественная деятельность. Герольд Бельгер в своем творчестве обращался и к Абаю Кунанбаеву, и к Ильясу Джансугурову, и к Махамбету Утемисову, и Абдижамилу Нурпеисову, и к Мухтару Ауэзову и многим другим авторам-казахстанцам современной казахстанской поэзии и прозы, но специально жизнь и творчество Ибрая Алтынсарина он не изучал, только во время учёбы в аспирантуре КазПИ им. Абая в г. Алматы, освещая вопросы эффективности современных методик преподавания казахского языка, упоминал о нём в связи с изучением программы и методики старых школ: мектебов, медресе, школы Алтынсарина, царских школ и, выделяя разработанную Алтынсариним систему школьного образования уездных двухклассных училищ-интернатов и волостных русско-казахских школ-интернатов), отмечал некоторые положительные моменты уровня обучения тех далёких лет.

В 1879 году Ибрай Алтынсарин создаёт «Казахскую (тогда она называлась «Киргизской...») хрестоматию», которая стала не только первым учебным пособием, но и первой книгой, предназначенной для чтения детям и взрослым. Как писатель, педагог и просветитель, он выбрал для своей хрестоматии лучшие образцы русской литературы XIX века разных жанров,

изучение которых способствовало развитию морально-нравственного и трудового воспитания учащихся.

Ибрай Алтынсарин в те далёкие годы составил список произведений, необходимых, по его мнению, для обязательного изучения в казахской школе, в который входили «Басни» И.А. Крылова, «Детский мир» К.Д. Ушинского, «Азбука и книга для чтения» Л.Н. Толстого. При подборе материалов он руководствовался принципами идей народности, гуманизма, патриотизма, любви к родине. *«Знаю: человек должен быть праведным – честным, совестливым и порядочным. Это и есть твоя вера, твоя религия»*, – как бы вторит ему с высоты ХХI века Герольд Карлович Бельгер в одной из своих последних книг «Всё, что смог...» [34].

Самые первые страницы «Казахской хрестоматии» открывались двумя стихотворениями «Давайте, дети, учиться» и «Народы, овладевающие знанием...», в которых поэт-просветитель осуждает невежество, подчёркивает огромную роль науки и культуры в общественном развитии общества.

Каждому человеку с детских лет знакомы поэтические строчки из самого знаменитого стихотворения И. Алтынсарина «Кел, балалыр, оқылық» («Давайте, дети, учиться...»):

Знайте, неграмотный бродит,
Словно слепой во тьме.
Дети, будем учиться!
Ученье даёт вам счастье,
Оно озарит, как свет
Каждое ваше желание,
Яркий оставит след.

Эти же темы он затрагивал в своих рассказах «Невежество», «Вред лжи», «Кипчак Сейткул», «Юрта и деревянный дом» и многих других.

В свою очередь Герольд Бельгер большое значение придавал роли книг и изучению казахского, русского и других языков в обучении подрастающего поколения. Не раз поднимался вопрос о включении произведений известного казахстанского автора в современную школьную систему образования Республики Казахстан.

Широко известен рассказ Ибрая Алтынсарина «Сын бая и сын бедняка», в котором показаны различные характеры, поведение двух мальчиков-ровесников Асана и Усена, обусловленные их воспитанием и раскрывающиеся перед читателем во время описания героев, идущих по следам откочевавшего без них аула. Здесь автор-просветитель прославляет находчивость, смекалку, трудолюбие немногословного, не по годам серьезного Усена, так как бедный, но умелый, знающий человек нигде не пропадет, найдет выход из любого положения и показывает отчаявшегося, беспомощного, постоянно хнычащего от страха Асана, используя свой излюбленный прием – антитезу, противопоставляя обоих маленьких героев.

Если Ибрай Алтынсарин описывал аульных жителей: бедняков и детей, показывал картины быта и нравов казахской жизни в 60-70-х годах XIX века, то Герольд Бельгер также основное внимание уделял аульным старикам, детям, обращаясь преимущественно к теме военного детства в казахском ауле; его проза автобиографична, он изображает события 60-70-х годов XX века и 2000-ых годов века XXI соответственно.

В знаменитом эссе «Аул» Бельгер размышляет так: *«В основе казахской жизни, казахской ментальности лежит аул. Всё начинается там, в ауле... В сущности до недавних времён казах – продукт и творение аула. Истинный казах в подавляющем большинстве аульный казах. Там он вырос, там его корни»*. Свое отношение к родной земле, используя градацию – усиление слов по нарастающей, автор передает так: *«А с годами я пойму, что всему хорошему, доброму в жизни я обязан, помимо родителей, моему аулу: там мои истоки, мои нравственные начала, мой стержень, моя основа, мой критерий, мои ориентиры, моя любовь, гордость и неизбывная печаль»* и продолжает: *«МОЙ аул, моя опора, моя защита, мой дом, здесь я не пропаду, здесь обо мне позаботятся, в беде не оставят, я член этой общины, этого сообщества, аул в ответе передо мной, а я в ответе перед ним, и если я совершу что-нибудь постыдное, я опозорю не только своих родителей, а свой аул, мне будет стыдно смотреть в глаза дедушкам Абилямжину, Ергалию, Омару, Коспану, Жайлаубаю, Нуркану, Кали, Сейтходже и многим-многим другим»* [16, с. 41].

В произведениях Ибрая Алтынсарина для детей и взрослых «Сын бая и сын бедняка», «Отец и сын», «Дедушка и внук», в многочисленных письмах близким, друзьям, знакомым, родителям учащихся прослеживаются родственные связи, преемственность поколений, и в этом тоже заключается большое воспитательное значение его просветительской, педагогической и творческой деятельности, а также находит отражение духовная перекличка с Герольдом Бельгером.

Ранние рассказы Бельгера «Чайки над степью», «Каменный брод», «Была весна» и повести «Перед далью», «Завтра будет солнце» содержат подлинные биографические сведения из жизни немецкого мальчика в казахском ауле. Очень трепетно относится Бельгер к истории своих родителей, своей семьи, своей родословной, в которых соединилось всё, что выпало на долю немецкого народа в XX веке.

Этот интерес роднит его с казахским обычаем знать своих предков до седьмого колена. В 1968 году он вычерчивает генеалогическое древо своей семьи, большую роль в создании которого сыграла обладательница феноменальной памяти на имена и даты рождения – его мать Анна Давидовна. К этой теме относятся его рассказ «В отчем доме», книга «Карл Бельгер – мой отец», куда включены воспоминания людей, хорошо знавших его отца.

Так, героями рассказов, повестей и романов писателя является он сам, чаще всего под именем Гарри, его отец – военный фельдшер Карл Фридрихович, его мать – Анна Давидовна, волею судьбы немцев-переселенцев в 1941 году с Поволжья занесённые в казахский аул и прикипевшие всем сердцем к этой ставшей для них второй родиной гостеприимной земле, а казахский язык

для них становится таким же необходимым и близким, как немецкий и русский языки.

Основными действующими лицами становятся аулчане, окружавшие на самом деле немецкую семью и некоторые второстепенные вымышленные персонажи, а также многочисленные родственники-немцы, сгинувшие в сталинских лагерях, на лесоповале или сложившие головы на фронтах Великой Отечественной войны. Большой любовью и уважением, чувством благодарности к казахской земле и её жителям дышит каждая строка писателя; болью за невежество и потребительское отношение к своей стране наполнены его мысли и переживания. Немаловажную роль в жизни автора играет музыка, пением и игрой на музыкальных инструментах увлечены и многие из персонажей его произведений.

В романе «Дом скитальца» Давид, играя на скрипке, сказал: *«Где не поют, там нет жизни. В этом смысле мне нравятся казахи. Ведь бедность жуткая. Холод, голод... Похоронки идут... Детишки голые, босые. А ведь как соберутся – поют. ... Не поют там, где нет надежды»*. И о скрипке своей он говорит так, словно о любимой женщине, которую нужно любить и холить: *«Ай, бедная... Совсем онемела... От сырости охрипла. Подружка моя, сиротинушка ... одинокая, заброшенная...»* [17, с. 168].

Одно за другим появлялись в литературном творчестве автора полюбившиеся читателями произведения «Аул в снегу», «Дедушка Сергали», «За шестью перевалами», «Рыжий Рысбек из аула Кастек» и многие другие.

В рассказе-были «Рыжий Рысбек из аула Кастек», говорится о том, как старый чабан Хасен Абильтаяев, потерявший единственного сына в годы войны, усыновил немецкого мальчика Рудольфа Дилера, дав ему свою фамилию и новое казахское имя, показана многонациональная аульная детвора, как и в некоторых эпизодах романов «Дом скитальца» и «Туюк су». «Третья часть романа «Дом скитальца» «Гарри» полностью автобиографична, она повествует о юности писателя: немецкий мальчишка успешно, лучше всех, учится в казахской школе, он влюблён в казахскую девочку Багиру и мечтает поступить в вуз. С разных точек зрения смотрит автор на изображаемые события, и едва ли не самой интересной является позиция ребенка, Гарри Вальтера» [40, с. 127].

Одними из последних рассказов – воспоминаний о детстве – является цикл рассказов-воспоминаний «Волк, Чапа и другие» о домашних животных, проживавших в семье Бельгеров в годы Великой Отечественной войны, опубликованный в журнале «Простор» №10 в 2013 году.

Здесь говорится о домашних животных, бывших полноценными членами семьи Бельгеров на протяжении многих лет: степенная, неторопливая корова Марта, немецкая овчарка по кличке Волк, маленькая степная черепаха Чапа с красным крестом поперёк панциря, которая спешила к каждой семейной трапезе Бельгеров занять своё место под столом.

Писатель с большим юмором описывает поведение каждого из этих домашних обитателей, в частности то, как по первому же трубному зову своего хозяина – Карла Бельгера, сокрушая все представления о бараньей

бестолковости, домашние бараны Лю, Ца и Фу мчались напролом сквозь блеющее стадо соратников к родному загону...

«Хозяин Волка был мой отец. А сыном, повисшим на костылях, был я. И происходило всё это в ауле на берегу Есиля в начале пятидесятых годов прошлого века», – скупое, ёмко повествует Бельгер [22, с. 36]. Таковы замечательная корова Марта – кормилица всей семьи, и бараны с непривычными для слуха аулчан затейливыми кличками Лю, Ца и Фу, которые окликались по первому зову отца писателя – Карла Бельгера, послушно идя за ним в загон...

Таким образом, мы рассмотрели, что одной из основных связующих нитей между двумя авторами является тема детства, а именно тема аула. Ибраем Алтынсариним были написаны произведения, воспитывающие у детей любовь к родине, трудолюбие, благородство. Они не потеряли своей актуальности и воспитательного значения до сегодняшнего дня.

В свою очередь, Герольд Бельгер очень серьёзно подходил к «детскому вопросу». *«Для детей нужно писать, как для взрослых, только лучше»,* – считал он, поясняя: *писать для детей – это сложно, это трудно, это самое трудное дело. Нужно знать детей, нужно их чувствовать»* [33, с. 432].

В основе патриотизма лежит чувство любви и уважения, поэтому очень важно уделять внимание их формированию уже в детском возрасте, – подчёркивал Алтынсарин.

Известный писатель и общественный деятель Герольд Бельгер продолжает вслед за ним: *«Что такое патриотизм, я знаю с раннего детства. Патриот – это человек, который любит свою родину. Это звучит банально, но это правда. Да, патриотизму не научишь. Патриотом может стать тот, кто с детства видит, что его родители много работают, живут честно и любят свою страну.*

Мне было семь лет, когда я оказался в Казахстане. Все мои детские воспоминания связаны с рекой Ишим, березами на ее берегу. Для меня все это дорого, мило. И я об этом пишу в своих книгах и считаю себя патриотом. Я знаю казахский язык, пишу и говорю на нем, знаю историю своей страны. Но я не пойду на трибуну, чтобы кричать об этом в микрофон. И кстати, знание языка не всегда означает, что человек является патриотом» [3, с. 24].

Таким образом, значение творчества Ибрая Алтынсарина и Герольда Бельгера в истории казахской литературы огромно. Видный просветитель и педагог, поэт и переводчик, создатель первых образцов казахской реалистической прозы, Ибрай Алтынсарин был одним из тех, кто приобщил казахскую степь к миру высоких культурных ценностей, и для писателя, переводчика, общественного деятеля Герольда Бельгера казахское слово *намыс*, означающее наличие чувства совести, чести, гордости за свой язык, за свою культуру, было не простым звуком, включало в себя понятие высокой нравственности и чистоты, что нашло полное отражение в его художественной и публицистической прозе.

2.4 Осознание юными героями произведений Герольда Бельгера своего места во времени и пространстве

Категории времени и пространства являются важными моделирующими средствами литературы, так как они определяют формы пространственно-временной организации произведений – хронотоп (М. Бахтин). Это наиболее важные содержательные универсалии текста. При этом пространство хронотопа образует фабульный план, а время – сюжетный.

По мнению М. Бахтина, художественное время и пространство являются самостоятельными системами, но одновременно представляют сложную единую систему, организующую литературный материал. Обращение к этой проблеме мотивировано тем, что пространственно-временная организация художественного мира в XX веке значительно усложнилась по сравнению с традиционными пространственно-временными парадигмами. Писатели демонстрируют виртуозную «игру со временем и пространством», используя временные сдвиги, сопряжение разновременных пластов, расширяют пространственную ограниченность за счет времени. Время и пространство задают параметры художественного мира произведения. Их взаимоотношения в романной архитектонике отражают структуру авторского сознания, его миропонимание, систему философских представлений и, следовательно, их интерпретация – это поиск средств выражения авторской идеи [8, с. 166].

Время и пространство художественного текста, в отличие от реального времени и пространства, всегда даны опосредованно через восприятие субъективного сознания героя, автора-повествователя, «авторской маски». Каждый из них имеет свои пространственно-временные границы, а каждый объект речи, находящийся в пределах этого сознания – свои пространственно-временные формы. У этих форм могут быть самые разнообразные отношения, зависящие от их взаиморасположения в сложной архитектонике текста.

Пространство и время могут быть абстрактными, метафизическими, конкретными. Метафизическая трактовка времени и пространства, например, господствует в романе Р. Мерля «Мадрапур». Сам писатель неоднократно говорил о том, что законы течения времени и его восприятия человеком всегда привлекали его внимание. Для него важен «этот образ колеса времени, к которому люди привязаны со своими заботами и бедами, которое подчиняет их вплоть до конца их земного существования неутомимому ритму своего движения». Пространство и время могут носить «географический характер» (наглядный пример – «география» романов Толкиена). Они могут быть однородными и неоднородными, дифференцироваться по признаку заполненности и незаполненности [39, с. 382].

Пространство в его художественном отражении более самостоятельная категория, чем время. Оно может быть конкретным, природным, метафизическим, историческим, мифологическим. В его организации есть ряд семантически значимых параметров – север, юг, запад, восток. Пространственные оси тоже имеют ценностный статус – вертикальная ось (верх – низ), горизонтальная ось. У горизонтальной и вертикальной

ориентированности пространства своя семантика и различное аксиологическое поле. Особую конструирующую роль в художественном пространстве имеет граница, символика которой универсальна. В условно-символическом пространстве отсутствуют конкретные реалии, и оно заполняется не индивидуальными, а универсальными, метафизическими категориями. Система символических образов обширна – дорога, река, берег, пропасть, обрыв [8, с. 291].

Пространство может быть разомкнутым или герметически замкнутым, что достигается при помощи разного рода делимитаторов – стен, оград, края. Так, действие романа А. Деблина «Гамлет, или долгая ночь подходит к концу» сосредоточено в библиотеке, что символизирует полную отрешенность героя от мира и желание понять конфликты своей семьи через архетипы мировой культуры. Метафорой Космоса выступает библиотека и в рассказе Х.Л. Борхеса «Вавилонская библиотека». Особую роль герметически замкнутое пространство имеет в романах П. Акройда «Дом мистера Ди», У. Эко «Имя розы» (действие сосредоточено в монастыре), К.Абэ «Женщина в песках» (делимитатором служат стены песчаного колодца), Х. Кортасара «Выигрыши» (место действия – пароход). Окружающее пространство может быть разомкнутым, как в описании пейзажа, который актуализирует и пространственный и временной континуум произведения.

Описание места иногда полностью автономно. Общеизвестно, что интерьер является отражением вкусов, привычек и персонажей. Примером могут служить романы И. Во «Пригоршня страха» и «Возвращение в Брайдсхед». Хэттон и Брайдсхед – два родовых поместья, дни которых сочтены, являются символом доброй старой Англии. Они описаны с такой нескрываемой симпатией и элегической грустью, что является не только средством характеристики персонажей, но и отражением этико-эстетического идеала автора.

Часто пространственно-временная отнесенность актуализируется уже в названиях произведений: Т. Манн «Волшебная гора». Д. Чивер «Буллет-парк», Д. Стейнбек «Зима тревоги нашей», А. Мальро «Королевская дорога», А. Роб-Грийе «В лабиринте», Т. С. Элиот «Бесплотная земля», Дж. Оруэлл «Скотный двор», Д. Кэрл Оутс «Сад радостей земных», Д. Буццати «Татарская пустыня», К. Рохас «Долина павших», Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества».

Модель времени так же сложна и многовариантна, как и модель пространства. Его структуре, отношению к бытию, к художественному пространству посвящено много философских, психологических и лингвистических исследований. В аспекте интересующей нас проблемы стоит назвать работу З.Я. Тураевой «Категория времени. Время грамматическое и время художественное».

Время имеет разные виды структурности: «авторское время», «сюжетное время», «историческое и мифологическое время», «вневременное», «космическое»; может быть бессобытийным, хроникально-конкретным, психологическим, с разной степенью интенсивности и конденсированности.

Образцом предельно сложной организации художественного времени и пространства является роман Дж. Джойса «Улисс».

Категория времени в современной прозе приобретает все новые и новые функции. В одной и той же плоскости могут пересекаться разновременные процессы, типы соотношения времен могут быть самыми причудливыми. Так, например, в романе Дж. Хеллера «Вообрази себе картину» происходит сложное наложение временных пластов – античность, Западная Европа XVII века и современность.

В романе С. Гейма «Агасфер» сосуществуют, взаимодействуют три пространственно-временных пласта – библейские времена, период Реформации и XX век. Постоянная смена пространственно-временного континуума характерна почти для всех романов К. Воннегута. Это связано с тем, что реальное и художественное время не совпадают, что, в свою очередь, образует довольно сложные перспективы и взаимоотношения внутри произведения.

Фабульное время прямолинейно и по характеру протекания равно календарному, оно не растягивается и не сжимается. Сюжетное время, в отличие от фабульного, может замедляться и ускоряться, двигаться зигзагообразно, дискретно. Структуры сюжетного времени и сюжетного пространства – аналогичны. Фабульное пространство более статично, так как оно соответствует параметрам реального мира. Сюжетное пространство ввиду своей многоплановости более подвижно и изменчиво. Обращение к теоретическим работам, рассматривающим проблемы времени и пространства, поможет понять специфику их организации в художественном произведении.

Проблемы художественного времени и пространства и проблема автора продолжают оставаться в литературоведческой науке начала XXI века одними из самых остродискуссионных. Проникнуть в глубины переживаний героя, понять все, что его волнует, в целостном многогранном представлении увидеть тайники его души, понять в герое такое, что и сам он отчетливо не осознает, быть может, причудливо как-то перепутывая и то, что было, и то, что будет – все это во многом достигается совмещением в художественном времени произведений многих русских классиков и современных писателей прошлого, настоящего и будущего.

Индивидуальные потоки времени, совпадающие со временем общим и расходящиеся с ним, помогают читателю яснее увидеть роль той или иной психологической ситуации. Время и пространство запечатлеваются в литературных произведениях двояко. Во-первых, в виде мотивов и лейтмотивов (преимущественно в лирике), которые нередко приобретают символический характер. Во-вторых, они составляют основу сюжетов. В XIX веке А.Н. Веселовский в работе «Поэтика сюжета» отмечал, что словом «сюжет» (в переводе с французского) обозначается цепь событий, воссозданная в литературном произведении, то есть жизнь персонажей в ее пространственно-временных измерениях, в сменяющих друг друга положениях и обстоятельствах. Изображаемые писателями события составляют наряду с персонажами) основу предметного мира произведения. В составе литературного произведения сюжет выполняет существенные функции. Во-

первых, событийные ряды имеют конструктивное значение: они скрепляют воедино, как бы цементируют изображаемое. Во-вторых, сюжет насыщен для воспроизведения персонажей, для обнаружения им характеров [59, с. 238].

Излюбленный прием Герольда Бельгера – пересечение границ времени посредством памяти – шире раскрывает его героев в этом четвертом измерении: в рассказе «Была весна» учитель сельской школы на экскурсии по окрестностям аула с учениками видит на дороге «несколько блеклых, мокрых, втоптаных в грязь колосьев», ставших ключом для приведения в действие памяти – машины времени. Рядом с учителем «неотступно, хлюпая грязью, бежало раскисшей тропинкой его детство». Память перенесла героя в военное прошлое, где он со сверстниками собирал остатки колосьев на промерзшем, едва оттаявшем от снега, весеннем поле. Вплетая в канву рассказа эпизоды из своей жизни, Бельгер руководствуется своим главным принципом: «Быть верным правде жизни».

В этом же рассказе приводится спор в майский день двадцать восемь лет назад между героем и его друзьями о том, какому призванию посвятит себя каждый из них. Образы маленьких героев писателем переданы чрезвычайно живо. Всех их: бойкую Нурбалу, размеренного Есляма, шаловливого Жараса волнует послевоенное время, полное обещания счастья. Они уже сталкивались со смертью, видели похоронки, лежащие на дне материнских сундуков и знают – у многих из них отцы и братья уже не вернутся с фронта. Мир ребенка – это не мир взрослого человека, где все подчинено логике, это подвижный, подчас непонятный, непредсказуемый мир света, где все блещет, меняется, трансформируется вместе с персонажем.

Ежи Фарыно в учебном пособии по литературоведению отмечает, что изображенное в произведении пространство-время или «хронотоп» (буквально «времениместа») конституируется в произведении путем называния физических объектов и их состояний и промежутков-интервалов между упоминаемыми объектами и состояниями.

В романе «Дом скитальца» (часть первая «Давид») Герольд Бельгер, показывая первые дни жизни военного фельдшера Давида Эрлиха, высланного в Северный Казахстан из Поволжья согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза СССР 28 августа 1941 года, акцентирует внимание на том, что, по ассоциации с нынешним положением Давида, у него из головы не выходили строчки из детской песенки про маленького Гансика:

Маленький Гансик одиноко бредет
По белому свету один...
Семь лет, печальный и ясный,
Пробыл Гансик на чужбине.

«Вот и ему, хотя он и не маленький Гансик, выпала та же доля. Вокруг простиралось все незнакомое, непривычное. Он еще не отошел от суматохи последних недель, от ужаса и горя выселения, от вселенской растерянности, от толчеи и давки на станциях, от вагонной тряски в долгом, скорбном пути в неведомое. Он старался не думать о том, но гул пронесшегося смерча еще стоял в ушах, и тревога вкупе с неясностью, неопределенностью саднили душу.

Бедный Гансик... семь долгих лет мыкался на чужбине. Неужели и ему, Давиду Эрлиху, отпущен столь долгий срок? Такое и представить себе невысказано» [17, с. 136].

Описываемые в данном произведении события разворачиваются в небольшом казахском ауле Кызыл-ту. Действие романа охватывает период с 1941 года по 1954 год. Рассказывая о жизни своих героев, автор пытается найти причины разразившейся катастрофы, в результате которой тысячи людей лишились крова и невольно превратились в странников, мучительно ищущих свое место в мире, стремящихся обрести свое «я», будучи вдали от дома. Основу романа составляют размышления Давида Эрлиха. Образ дома выступает важнейшим компонентом хронотопов Давида, Христьяна и жителей аула Маруар и Жараса.

В словесном творчестве возможно противопоставление разных восприятий времени: время «объективное» (данное в восприятии повествователя) и время «субъективно-переживаемое». Во многих случаях субъективно-иллюзорное время героя сопряжено с приобретением опыта и приводит к открытию истины. *«Думал ли он тогда, в то безмятежное, благостное воскресенье, последнее мирное для него и многих воскресенье, что так круто все изменится, что всех родных и близких, всех земляков степной и нагорной части Поволжья разметет в одночасье, как песчинки в бурю, и сам он вскоре очутится в неведомом краю и будет вот так лежать на берегу Ишима-реки, о которой он и не слыхивал. С грустью подумалось: «Была в моей жизни Волга, широкая, раздольная, во многих песнях воспетая, предками возлюбленная, а теперь – Ишим. Надолго ли?.. Какую же судьбу уготовила мне эта незнакомая степная река?» [17, с. 48].*

Попав из привычного, дорогого сердцу приволжского села в казахский аул, где царят иные обычаи и традиции, звучит иная речь и поются другие песни – протяжные, долгие, как сама степь, Эрлих невольно сравнивает «серые, убогие домишки», покрытые дерном, с родными краями. *«Красивый аул, – сказал старик-«поштабай», привезший его в Кызыл-Ту, – Лучшие нету». Путник криво усмехнулся. Ему вспомнилось родное село – Манхейм, добротные дома, высокие заборы, крашеные ворота, неизменная летняя кухня – бакхауз. А далее за домом и бакхаузом находились почти у всех сельчан разные пристройки – хлебный амбар, птичник, конюшня, скотный двор для коров, бычков, телят, для овец и коз, сарай для верблюдов, а уж за этими основательными и ухоженными пристройками, тянулся огород» [17, с. 11].*

М.М. Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике» подчеркивал, что художественно-смысловые (собственно-содержательные моменты) не поддаются пространственно-временным определениям, но вместе с тем «всякое вступление в сферу смыслов свершается только через ворота хронотопов». Хронотопическое начало литературных произведений способно придавать им философический характер, «выводить» словесную ткань на образ бытия как целого, на картину мира, даже если герои и повествователи не склонны к философствованию [8, с. 345].

Способы художественного изображения внутренней границы в мире героя различны. Иногда они передают душевные переживания персонажей, напрямую связанные с тем, что их насильственно взяли и переместили из уютного, привычного и любимого мирка в чуждый, пусть даже не всегда и враждебный, подстроив, как в какой-нибудь детской сказке неожиданные препятствия, которые нужно преодолеть, чтобы достичь счастливого конца: *«В буранные дни и в мыслях чувствовался полный разброд. Порой фельдшеру казалось, что он заблудился в этом мире, будто какая-то сила занесла его на необитаемый остров. ... Живет человек и не знает, что ему уготовано. Вот и его, Давида Эрлиха, все чаще зовут «Даутом», «першылом» и не мудрено в такие метельные дни, в лихолетье, и вовсе свихнуться и напрочь забыть, кто ты и откуда родом...»* [17, с. 114].

Сюжеты обнаруживают и впрямую воссоздают жизненные противоречия, конфликтные ситуации, придающие происходящим событиям особый драматизм. И тогда персонажи, вовлеченные в ход событий, как правило, взволнованы, напряжены, испытывают неудовлетворенность чем – то, желание что-то обрести, чего–то добиться либо сохранить нечто важное, претерпевают поражения или одерживают победы.

Из событий романа мы узнаём, что из-за статуса немца-спецпереселенца немецкий мальчик Гарри не сможет получить золотую медаль за отличную учёбу в школе и поступить в какое-либо высшее учебное заведение. Он одинаково хорошо владеет не только родным немецким, но и

Казахским, и русским языками, всерьез увлекается поэзией Абая, Пушкина и Гете, сам пробует писать стихи. Никто из близких Гарри и всех аулчан и не сомневается в том, что золотая медаль заслуженно будет получена им, но судьба распоряжается по-своему.

Проблема была в том, что он был единственным спецпереселенцем во всем районе, окончившим в 1953 году среднюю школу в родном ауле «Кызылту» Северо-Казахстанской области. Гарри был человеком, состоящим на учете в спецкомендатуре и ему не полагалось иметь паспорт. Отныне для него, лучшего выпускника Кызылтуской средней школы, лишённого Родины, а теперь еще и всяческих гражданских прав, закрыты все дороги в будущее.

Поначалу он чувствует себя униженным, опустошенным и вконец разбитым: *« ...Порой ему казалось, что он выпал из времени, что давным-давно закончил школу и все успел напрочь забыть за время бесплодных хождений, что никуда не нужно ехать, что все, действительно, суета сует, что нет никакого смысла в его хлопотах и переживаниях, что он просто песчинка ... Иногда Гарри казалось, что он вот-вот исчезнет, растворится в жарком полуденном мареве, зараз откинув все никчемные заботы и тревожения, и от этого легко и благостно станет и ему и всем тем, кто его знает и окружает»* [17, с. 189]. Гарри долго не находил себе места, бесцельно бродя по опустевшим аульным улочкам, не видя выхода из сложившейся ситуации. Ему вручили обычный аттестат зрелости, хотя и с одними пятерками, а все его одноклассники разъехались кто куда с целью получить дальнейшее

образование: *«Он чувствовал себя выпавшим с телеги. Или из времени. Он был никому не нужен»* [17, с. 128].

Так как в словесном творчестве возможно противопоставление разных восприятий времени, обычному (биографическому) времени жизни героя часто противопоставляется особое «время испытаний» или «кризисное». В таких случаях автор изображает «решающие» события на фоне кратких сообщений о других, связанных с обычным ходом времени. События, происходящие в романе, создают для персонажей «поле действия», позволяют им разнопланово и полно раскрыться перед читателем в эмоциональных и умственных откликах на происходящее, главное же – в поступках. Сюжетная форма особенно благоприятна для яркого, детализированного воссоздания волевого, действенного начала в человеке.

Невзирая на все преграды, физическую немощь (Гарри передвигается на костылях), его внутреннюю тревогу и неустроенность, обиду на бессилие властей, Гарри понимает, что главной причиной его нынешнего положения является насильственное выселение немцев с насиженных мест в 1941 году, послужившее «черной вехой, резко разделившей его прошлое с настоящим.» *«Выходит, ничего не зависит от твоей воли, характера, целеустремленности, прилежания?... Оказывается, все это ничто, если в тебе изначально не заложена некая могущественная сила, которую невозможно определить, выразить простому смертному, вооруженному заемным умом и книжными премудростями»* [17, с. 204].

С помощью зятя Давида Эрлиха, после долгих хождений по различным инстанциям добившись разрешения на выезд в Караганду, юноша отправляется в путь, чтобы попробовать поступить в политехнический институт. Переход литературным персонажем границ, которые разделяют части или сферы изображенного пространства – времени, является художественным событием. Гарри ставит перед собой цель получить образование и добиться гражданских прав, чтобы считать себя полноценным членом общества, быть нужным в этой жизни, а не ощущать себя ничтожно малой песчинкой, носимой ветром по свету.

Для того чтобы акцентировать внимание на трудности перехода, автор делает предметом изображения свойства границы как реального для героя препятствия. Переход определенных границ связан с внешними (поступки или жесты) и внутренними (мысли и чувства) «действиями» персонажей. Цель автора состоит в столкновении человеческих планов и представлений со стихией жизни и демонстрации ограниченности первых и благой разумности, которая скрыта во второй.

Гарри впервые за много лет покидает аул – привычное жизненное пространство и сразу же попадает в водоворот городской жизни, где «озабоченные, хмурые люди толкались взад – вперед». Он *«почувствовал себя разбитым, ошарашенным. Его шатало, а костыли казались чужими. Он был растерян, подавлен. Зачем он приехал? Куда идти? С чего начать? Словно щенок, выброшенный в реку. Выплывет? Утонет?»* [17, с. 164].

Успешно сдав все вступительные экзамены в институт, Гарри вместе с пятидесятью двумя представителями других наций – изгоев, находящихся на строгом учете спецкомендатуры, оказывается в списке отчисленных наряду с провалившимися при поступлении. И тогда большая часть не прошедших по конкурсу абитуриентов-спецпереселенцев разразилась отборным площадным русским матом, испытывая одновременно гнев и бессилие против трусливого произвола вышестоящих. *«Это было как противоядие на наглый выпад властей. Гарри почувствовал облегчение... Таких, как он, много. И они уже не робеют, не дрожат, не забиваются трусливо в угол. Значит, когда-нибудь и несправедливости придет конец»* [17, с. 176].

Вернувшись в родной аул, Гарри год проработал учителем в школе. Отступить он не собирался. Стычки с комендантом общежития в Караганде из-за отсутствия паспорта; жесткая, горькая правда жизни, выходящая из ожесточенных споров со свободолюбивым бунтарем-одиночкой Николаем Вагнером; несправедливость и унижение, с которыми он столкнулся в самом начале самостоятельной взрослой жизни, закалили его дух и еще больше укрепили в правильности избранного пути. Следующим летом он отправляется попытать счастья в Алма-Ату, то есть опять пересекает границы, разделяющие части изображенного пространства и моменты изображенного в романе времени.

Аулу резко противопоставлен город. В родном ауле Гарри был всеобщим любимцем, никто его никогда не обижал, а город таил в себе не только много соблазнов и новизну для молодых людей, но и был полон различных препятствий, преодолеть которые дано не каждому. Оказавшись здесь, Гарри вдруг почувствовал, что именно тут, в этом «раю, зеленом острове, отраде-обители скитальца», его, конечно же, ждет удача. Среди новых друзей-абитуриентов, поступавших вместе с ним в Казахский педагогический институт и охотно опекавших его, он чувствовал себя уверенным и защищенным.

Получив только одну «четверку» на вступительных экзаменах и набрав 24 балла, Гарри столкнулся с той же проблемой при зачислении – немцам-переселенцам дорога в высшие учебные заведения заказана. На этот раз он с ходу, собрав все необходимые документы, решает добиться справедливости, по очереди обивая пороги различных учебных заведений, кабинеты Министерства образования и отправив письма-жалобы в различные серьезные инстанции – МВД, КГБ и Президиум Верховного Совета. В бесконечном ожидании какого-либо решения время для него как бы остановилось, он не мог ни пить, ни есть. Таким образом, внутреннее напряжение в романе и чувствах героя нарастает.

Со времен Аристотеля внезапные и резкие сдвиги в судьбах персонажей – всевозможные повороты от счастья к несчастью, от удачи к неудаче или в обратном направлении – обозначаются термином «перипетии». Они несут в себе и некий философский смысл. Герои изображаются находящимися во власти судьбы, готовящей им неожиданные перемены. Для главного героя первой неожиданной удачей оказывается помощь земляка, второго секретаря ЦК комсомола Шалова, благодаря поддержке которого его зачисляют на литературный факультет КазПИ.

Неожиданно происходит и желанная встреча с любимой девушкой Багирой, с которой после окончания школы судьба развела их в разные стороны. Незаметно пролетели три месяца учебы. За это время Гарри успел проявить себя в институте как отличник учебы и активист, никто не тыкал ему в лицо, что он спецпереселенец и находится на особом счету, и ему совсем не приходила в голову мысль о том, что обязанность отмечаться регулярно в спецкомендатуре никто не отменял. Однажды прямо на лекцию за ним пришли из комендатуры. Его охватывает позднее раскаяние. *«Мысли мешались в голове. Вот она, расплата за непочтительное отношение к закону. Сам виноват... Чему быть, того не миновать»* [17, с. 181].

На этом месте в романе появляется коллизия (конфликт), в основе которой, по словам Г. Гегеля, лежит нарушение, которое должно быть устранено. Коллизия является таким изменением гармонического состояния, которое, в свою очередь, должно быть изменено. В ответ на возмущенную тираду «чугуннолицего» казаха-коменданта о нарушении им порядка учета спецпереселенцев растерянный Гарри в отчаянии, неожиданно для самого себя, заговорил с ним по-казахски. Его «ладная и складная» казахская речь ошеломила и приятно удивила коменданта. Он решает помочь упрямому «братишке» в получении паспорта. Через месяц, «задыхаясь от невысказанного счастья», юноша получил заветный документ в паспортном столе милиции, который отныне давал ему право быть таким же, как все, независимо от национальной принадлежности. И, чтобы отметить с друзьями это долгожданное радостное событие, он продает черную вельветовую курточку – *«свое главное богатство и гордость»*. Счастливая развязка, гармонизирующая жизнь центральных действующих лиц, выступает как необходимый компонент сюжета произведения: *«Счастье пенилось, как жигулевское пиво в стаканах и кружках студенческого общежития. Время меняло свое обличье»* [17, с. 375].

Как отмечает П.А. Флоренский в своей работе «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях», категории пространства-времени различаются по отношению к речевому материалу произведения и по отношению к миру, изображенному в произведении с помощью этого материала.

По словам М.М. Бахтина в художественном образе мира «имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем». Наглядным примером такого «взаимоосвещения» служит насыщенность приметами определенной эпохи различных образов пространства и заполняющих его вещей.

По М.М. Бахтину, художественное время и пространство являются структурным законом жанра романа. В единстве времени и пространства у Бахтина ведущим было время, а пространство выступало как зависимая от времени переменная величина. Он считал, что их единство является организационным центром основных событий романа, поэтому им принадлежит сюжетобразующее значение. Художественная литература, по

сравнению с другими видами искусства, максимально свободно обращается с реальным временем и пространством [8, с. 213].

Писатели с легкостью изображают события, происходящие в разных местах, переходят из одного временного плана в другой (обычно от настоящего к прошлому). Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп.

Конкретное художественное пространство локально, оно не просто «привязывает» изображенный мир к тем или иным топографическим реалиям, но и активно влияет на суть изображаемого. К наиболее распространенным конкретным местам действия относятся город и деревня. Большое место в русской ментальности и литературе Нового времени занимает такая национально значимая модель бытия, как архетип деревня.

В русском архетипе деревни соединены дворянско-помещичий и земледельчески-крестьянский уклады, а также антиномичные полюса «деревня как жестокая реальность» и «деревня как пастораль-идиллия», «рай утраченный» – «рай обретенный», онтологические мифологемы умирания – возрождения и т.п. Литературный архетип деревни обладает особыми художественными временем и пространством. Пространство литературной деревни, вмещающая в себя хронотопы дома, усадьбы, избы, сада и т.п., имеет строгие границы, оно замкнуто и локально, сочетает в себе сугубо человеческие и природные явления [59, с. 161].

В отличие от привычного линейно-хронологического исторического времени, в темпоральном поле архетипа Деревня доминирует циклически – сезонное природное время, для которого характерна ретроспективная направленность (в частности, к мифологеме Золотого века), ностальгическая тоска по уходящему прошлому – недаром архетипическим мотивом в картинах уходящей Деревни становится сюжет ухода – возвращения (в родное село, дом и т.п.).

В известном эссе Г. Бельгера «Аул» конкретным пространством является аул. В нем наличествуют образы времени: обычное (биографическое), циклическое (календарное) и историческое. Впервые слово «аул» автор услышал в семилетнем возрасте, приехав вместе с родителями – спецпереселенцами, высланными из Поволжья в Северный Казахстан. *«Это короткое, гулкое казахское слово властно и мощно ворвалось впервые в мое сознание и неожиданно всколыхнуло душу синеоким сентябрьским днем 1941 года»*. Мальчик еще слишком мал, чтобы понять, что послужило причиной их неожиданного переезда сюда и чем так опечалены его родители. Он еще не знает, что отныне с аулом навсегда будут связаны его дальнейшая жизнь и судьба. *«Незнакомый, неведомый мир. Огромный, непостижимый... О том я буду думать и писать всю жизнь. А пока в моих ушах звучит емкое, короткое слово – аул... И знакомство с ним, постижение его – впереди. А до осмысления его я дойду лишь многие годы спустя»* [16, с. 43].

Обращение к памяти персонажа как к внутреннему пространству для развертывания событий – примечательная веха современного литературного

развития. Ход сюжетного времени мотивирован здесь психологией припоминания. Главный, вспоминающий герой может оставаться неподвижным. Собственно время действия здесь сжимается до нескольких часов или дней, меж тем как на экран памяти проецируются время и пространство целой человеческой жизни.

Свое отношение к аулу автор передает через детское восприятие посредством воспоминаний о нем. *«Несколько лет мы были единственной немецкой семьей в ауле. А русских было раз – два и обчелся. Но чужаками, пришельцами мы чувствовали себя лишь в первые недели. Казахи не чурались нас, а, наоборот, отнеслись дружелюбно, сочувственно. Как-то само собой наладились добрые человеческие контакты. И что бы мы делали без внимания, заботы, сочувствия и помощи аулчан, казахов, о которых мы ничегошеньки не знали?!*

...Я скоро всем своим умишком понял и мальчишеским сердцем почувствовал, что аул – мой аул, моя опора, моя защита, мой дом, моя отрада, здесь я не пропаду, здесь обо мне позаботятся... А с годами я пойму, что всему хорошему и доброму в жизни я обязан, помимо родителей, моему аулу: там мои истоки, мои нравственные начала, мой стержень, моя основа, мой критерий, мои ориентиры, моя любовь, гордость и неизбывная печаль» [16, с. 42].

Каждое слово в данном эссе пронизано чувством любви, преданности и уважения, настоящей болью за будущее аула. Это и размышление об ауле – его прошлом, настоящем и будущем, и неравнодушный взгляд со стороны, и раздумья коренного аулчанина, и жизненная позиция писателя. Автор пытается рассмотреть проблему аула со всех сторон – политических, исторических и социальных. Это одновременно и взгляд искушенного жизнью, образованного человека – писателя, и взгляд простого человека – потенциального жителя аула, относящегося к нему как к самому родному месту на земле.

Размышляя над происхождением понятия «аул», Г. Бельгер обращается к различным толковым словарям, приводит примеры из художественной литературы, и постепенно приходит к мысли о том, что *«аул не только сборище домов и юрт, не только малое или большое селение. Это прежде всего люди, объединенные местом обитания, близкие по духу, ментальности, быту, нравам и укладу, живущие в постоянном и тесном общении, спаянные трудом и тягой, расположенностью друг к другу, единые или близкие нравственно, культурно, общественно, социально, имеющие единые или схожие цели, стремления, миропонимание и духоустройство. Аул – своеобразный мир. Со своей инфраструктурой. Экономической, социальной, психологической, этнокультурной. Это общность со сложной корневой системой. Случайное сборище из разных, как говорится, верховий и низовий, вольно или невольно оказавшихся вместе, – еще не аул. Это может быть поселком, селом, дорфом – чем угодно.*

Аул в первоначальном смысле другое. Это понятие более теплое, душевное, близкое, родное, сердечное. Аул – как родной очаг. Аул – как большая семья. Аул – родной кров на единой земле, под единым небом. Аул – твоя

совесть, любовь, забота, гордость, зеленый причал, отрада. Аул – начало Родины. Так воспринимают аул казахи. Так воспринимаю аул и я» [16, с. 45].

Автор вспоминает не только о своем родном ауле, но и передает свои впечатления от посещений в разные годы жизни многих аулов на территории бескрайнего Казахстана. Поражаясь единству казахского духа, независимо от места проживания людей, он понял, что *«в основе казахской жизни, казахской ментальности лежит аул. ... Истинный казах в подавляющем большинстве аульный казах. Там вырос, там его корни. И корни эти едины» [16, с. 43].*

Герольд Бельгер так же отмечает, что больше всего в казахской устной и письменной литературе воспет «вдохновенно и искренне» аул, как символ высокой нравственности, идеала, смысла жизни, существовало шаблонное противопоставление города и аула в пользу последнего. А в реальной действительности с течением времени «взахлеб воспетый казахский аул скудел, беднел, хирел, угасал на глазах его восторженных выходцев. И я – один из свидетелей этого скорбного процесса».

Писатель дает точное описание месторасположения аула своего детства: *«Скромный, уютный, тихий зеленый аул неподалеку от степной реки Есиль, окруженный березовыми перелесками, озерцами – старицами, непаханными ковыльными полями... Аул в разное время назывался по-разному: Кабай, Туяк, потом через дефис Кабай-Туяк, потом с образованием колхоза еще как-то, ... ныне – имени Ибраева. Менялось и название района – Октябрьский, Сергеевский, Шал-акына» [16, с. 47].*

По нарастающей описывается словно бы поэтапное первое, детское ощущение того, что герой прирос сердцем к аулу: «Аул стал «моим». И я стал «своим» в этом ауле. Благодарность моя к тому аулу беспредельна. Тот аул и сформировал мою душу». Второе – уже студенческое восприятие аула – дома во время приездов на каникулы, когда *«голова сладко кружится, сердце трепещет, в глазах все зыбится от слез: «Здравствуй, аул мой... родной и любимый!» [16, с. 44].* И третье – описание современного аула во время последних его посещений писателем, нынешнее состояние которого тоже можно разбить на несколько временных этапов:

1. 50-е годы – последствия освоения целины. «Все это было, было... Все это осталось в прошлом. И нет тому возврата. И нет уже того аула... Совершенно дикое, неуправляемое подобие людей неведомого племени, точно всесокрушающий вихрь, разнесло в прах все, что сложилось, строилось десятилетиями, а то и веками. Аул менялся на глазах. Распатались нравственные устои, традиции, огрубели нравы, все, что искони было табуировано, считалось отныне дозволенным. Подлинно казахское размывалось, терялось, уходило».

2. В начале 60-х годов прошлого века советская власть обрушила на аул очередной удар. Над аулом проводили эксперименты все, кому не лень. «Реформатор» Никита Хрущев мало что заставил распахать вековые пастбища, навязал еще земледельцам сеять кукурузу, горох там, где они сроду не росли, лишил казахов скота.

3. «И вот парадокс: окончательный крах аула произошел с приобретением Казахстана политической независимости. Надо было строить новое государство. И жертвой пал аул. То, что, в сущности, искони представляло основу Казахии. То, что питало, поддерживало, обогащало, кормило, облагораживало страну. ... Власть лишила аулы мало-мальских очагов цивилизации. Подорвала экономически. Растоптала физически. Расшатала нравственно. Унизила психологически».

4. «Наконец, когда уже все обрушилось в пучину безнадежья, власть спохватилась: апырай, дела в аулах, оказывается, и в самом деле жаман, дальше некуда. Надо что-то срочно предпринять. Что будет, если вся голытьба ринется в города?! Надо поддержать, вкладывать инвестиции... Так родилось последнее по времени Послание Президента страны к народу, верное, продуманное, правильное, в котором главное внимание уделено – наконец-то! – аулу».

Из всего сказанного автор делает неутешительный вывод: *«То, что будет, будет чем угодно, только не прежним аулом, коим он был, скажем, в минувшем веке. Аул в своем изначальном понимании уходит с арены национальной истории навсегда. Как ушла конно-кочевая цивилизация. Ничего не поделаешь. Такова истина. Таков круговорот бытия»* [16, с. 49].

Данное эссе прозвучало для огромной читательской аудитории как монолог равнодушного человека, стало своеобразным хронотопом аула, призывом оглянуться назад, прислушаться к проблемам современного аула, стоящего на грани не только «физического», но и нравственного исчезновения.

Любое литературное произведение событийно. Изображенное в нем пространство – время – это условия, определяющие характер событий и логику их следования друг за другом. После рассмотрения основных категорий – пространства, времени и события – можно переходить к понятию сюжета и проблеме героя как действующего лица.

Название рассказа Герольда Бельгера «Земляника степная» выбрано не случайно: именно земляничная поляна сыграла большую роль в жизни главного героя. Временные и пространственные представления каждого литературного произведения бесконечно многообразны и глубоко значимы. Так, в данном рассказе представлены образы времени биографического (воспоминания о детстве), исторического (картины жизни послевоенного аула), космически – философического (представления о вечности и размышления о жизни и смерти), календарного (весна сменяется летом) и суточного (день и ночь, утро и вечер) характера.

Самое известное и самое сокровенное произведение писателя о детстве – «Земляника степная», в котором говорится о том, как поход на земляничную поляну спас ему жизнь в подростковом возрасте.

В этом небольшом по объему рассказе точно указано время действия происходящих в нем событий: *«Стояло лето второго послевоенного года. А я помню тот день во всех подробностях и поныне. И кажется, именно тот поход на земляничную поляну странным образом определил мою судьбу»* [24, с. 176]. В этом рассказе, как и во многих произведениях Г. Бельгера, звучат автобиографические нотки. Писатель обращается к тем далеким дням своего

детства, когда он вместе с родителями-спецпереселенцами из немецкого Поволжья приехал жить в небольшой казахский аул, расположенный вблизи реки Есиль.

Действие рассказа охвачено двумя сутками временных рамок. В самом начале автор отмечает, что еще весной двенадцатилетний Гарри сильно заболел то ли двухсторонним воспалением легких, то ли коклюшем и теперь буквально на глазах угасал. *«В середине лета мальчику стало совсем худо. Синий кашель – «кок жотел» – бил его часами, выворачивал наизнанку, содрогал его щуплое, изнуренное тельце. Он ртом хватал воздух, шевеля лиловыми губами, точно чебачок, выброшенный на берег. В запавшей груди свистело, хлюпало, клокотало... Силы покидали мальчика с каждым днем»* [24, с. 166].

Отец – аульный фельдшер – и мать терпеливо, с любовью ухаживали за ним, отпаивая парным молоком, давая ему гематоген и по одному сваренному яичку каждый день. Гарри совсем ослабел от изнуряюще-долгого кашля, целыми днями лежал укутанный во дворе на солнышке, любая еда вызывала у него отвращение. Показан один день из многих похожих один на другой из жизни мальчика, следующих бесконечной чередой, как его затянувшаяся коварная болезнь. Рядом с ним, как верный часовой, постоянно находится старый соседский пес Майлыаяк. Они связаны друг с другом невидимой общей нитью дружеского участия и понимания – доживающий свой недолгий собачий век подслеповатый пес и так некстати, до обидного рано умирающий мальчик. Между ними происходит каждодневный безмолвный диалог – свидетельство того, что оба пока еще живы и рады видеть друг друга вновь.

Старый мудрый пес подолгу с жалостью вглядывается в осунувшееся лицо ослабевшего от болезни мальчика и готов целыми часами преданно лежать у его ног или плестись рядом с ним в редкие минуты облегчения. Резким контрастом слабеющему с каждым днем мальчику служит описание природы: *«А лето буйствовало. Солнце подолгу висело в зените. От земли, от густотравья шел дурманящий дух. По небу плыли, клубились белесые облака – барашки. Вдали, вдоль Есиля-реки, голубел тугай. Пустынный аул, казалось, погрузился в истому»*; *«Иногда, волоча хвост в репейниках, подползал соседский пес Майлыаяк, опускался на брюхо, вывалив язык, и подолгу глядел слезящимися, подслеповатыми глазами на мальчика. И в серых зыбких зрачках его тоже плескалась жалость»*.

«Плохо тебе?» – безмолвно вопрошал пес. «Сам ведь видишь, – смущался мальчик, – совсем ходить не могу». *«Ай, бишара, бишара...» – сочувственно смаргивал слезы Майлыаяк. Пес был стар и мудр. И понимал лишь по-казахски. «Хлебушка у тебя нет? – робко спросил он. – А то так надоел мне айран-шалап». – Жоқ... И крошки нет».* Пес смиренно опускал голову, жмурился. Ему было неловко за свой нелепый вопрос. *«А что есть?» – «Гематоген». – «Ол не нәрсе?... Что это еще?» – любопытствовал пес и нетерпеливо облизнулся. – «Кямпит». «Нет, – вздохнул пес. – Старому псу кампит не по зубам. Сам ешь»* [24, с. 168].

Нередко его герои в минуты радости, отчаяния или волнения невольно, автоматически переходят на родной язык, и в этом состоит ещё одна яркая

особенность литературного стиля писателя – одновременное использование трёхязычия в одном тексте (в данном случае переданный безмолвный диалог между мальчиком-немцем и старым псом, думающим на казахском языке, переданный автором в рассказе).

Когда солнце начинало припекать сильнее, *«чудилось мальчику, будто он взлетает на невидимых крыльях, невесомо скользит по густому, настоящему степным разнотравьем, воздуху, поднимается все выше, выше, вот он уже барахтается среди пушистых облаков, и ему легко, легко, кашель отпустил его и блаженное тепло разливается по всей груди»* [24, с. 170]. Жизнь как будто бы потихоньку ускользает от него, готова исчезнуть, испариться, покинуть насовсем его измученное, исхудавшее тельце. И мальчик погружается в бесконечную сладостно-опасную дрему, и нет у него больше сил бороться с ней... Белым облачком ввысь вот-вот уже готова упорхнуть его душа.

Из спокойного, вяло текущего, хоть и овеванного тревогой за судьбу мальчика сюжета – повествования о затянувшейся болезни мальчика – проявляются элементы сюжета: ситуация – болезнь Гарри и коллизия – внезапное обострение ситуации – подслушанный разговор. Внезапно проснувшись в эту душную летнюю ночь, мальчик случайно услышал приглушенные голоса родителей и понял из их разговора, что он, видимо, «не жилец на этом свете»: *«Ночью он подслушал тревожный разговор родителей о его затянувшейся болезни: – Что, майн Готт? ... Либер Хайланд! Неужели?! – Будем надеяться... но, боюсь, не жилец он на этом свете...»*.

На следующий день опять возле соседской шошалы грелся на солнцепёке, одним глазом поглядывая вокруг, шелудивый Майлыаяк. «Ия... аманбысың? – безмолвно спросил пес и чуть-чуть пошевелил хвостом-мочалкой. «А ты?» – так же без слов поинтересовался мальчик. «Е-е, Құдайға шүкір... Слава всевышнему, – ответил по-стариковски пес. – Что бог дал, то и хорошо» [24, с. 167-168].

Его охватили смятение и страх перед неизвестностью, недоумение и обида на свою непонятную затянувшуюся слабость. Он силился понять, что же представляет из себя смерть и почему именно он должен умереть теперь: *«Не будет дышать, видеть, слышать? И ничего не будет? Ни солнца, ни неба, ни дома, ни отца-матери? Как такое может быть?... Или все будет, только его не будет? Мудрено! Да, он знает, слышал: люди умирают. На войне вон сколько погибло. И в ауле дедушка Елемес умер. Но ведь от старости... А он, он, он-то почему должен умереть? Ему ведь только двенадцать!»* [24, с. 168].

Предаваясь философским раздумьям о смысле жизни и смерти, проведя остаток ночи в тревожной дремоте, мучительных сомнениях, он будто повзрослел за этот небольшой промежуток времени. Эта ночь стала переломной в жизни мальчика. Все в нем взбунтовалось против неизбежного приближения смерти. В последующем описании утра, дня и вечера – в течение одних суток – показана борьба Гарри за свою жизнь.

Мальчик принимает решение: доказать всем, что он еще жив и «назло всем», а прежде всего, самому себе преодолеть свою вконец опротивевшую слабость, встать и пойти хотя бы до околицы, *«на простор, где парят в вышине*

вольные ястребки, высматривая мышей и сусликов, где в синеве, за облачком, самозабвенно заливаются жаворонок, где сигают в пучках серебристого ковыля беззаботные зеленые кузнечики. Там, он надеется, ему будет легко, боль в груди отступит, вернутся силы и проклятый синий кашель перестанет его донимать» [24, с. 172].

Драматический мотив рассказа вытекает из того, что мальчик узнал о том, что «не жилец он на этом свете», отсюда рождается решение подняться, испытать себя, свое тело и появляется цель – непременно дойти, чтобы продолжать жить дальше. Возникшая коллизия ведет к совершению поступка, который резко меняет характер всей ситуации, сложившейся с неизлечимой, казалось бы, болезнью мальчика.

С утра погода установилась ясная, солнечная. Наспех позавтракав, мальчик долго стоял у калитки, посматривая на притихший, словно вымерший аул. Верный Майлыаяк лежал у его ног, продолжая безмолвный разговор: «Ия, аманбысын?». Вскоре собралась ватага аульных мальчишек, бурно решавших, куда им пойти прогуляться всем вместе. Они встретили Гарри с радостным оживлением. Веселой гурьбой мальчишки двинулись в сторону степной балки за аулом, где уже поспела земляника. Гарри, шатаясь, поплелся вслед за ними. «Дойду ли?» – мелькнуло в голове мальчика, и сердце его затрепетало от страха и радости» [24, с. 173].

Старый Майлыаяк понуро шел за ним. Добравшись до места, мальчишки припали к траве, поедая спелую сладкую ягоду. Ощущая запах земли, свежего сухого ветерка на земляничной поляне, Гарри почувствовал облегчение. К полудню, всласть наевшись земляники, ребята засобирались домой. Пройти до аула нужно было чуть больше двух километров. Поднявшись с травы, чтобы последовать вслед за ними, мальчик вновь ощутил слабость во всем теле. «Мысли его были заняты одним: лишь бы не упасть, не осрамиться перед тамырами, не стать посмешищем, не прослыть слабаком, доходягой, как-нибудь доковылять до аула, до дома, до топчана, рухнуть на соломенный матрас, да так, чтобы не видели родители, чтобы не расстроились, и отлежаться, забыться ...» [24, с. 174].

Неожиданно Гарри вспомнил, как однажды его друг Аскер сказал: «Когда человек умирает, душа его подкатывается к кончику носа ... Душа – это божье дыхание. Дыхание обрывается – душа отлетает». И еще он добавил, что кончик носа холодеет, как у собаки, когда человек умирает. Кое-как выбравшись из оврага, Гарри почувствовал, что дальше идти не может, он весь дрожал, сердце зачастило, заколотилось в груди, пальцы похолодели... «Он хотел пощупать свой нос, но не было сил поднять руку» [24, с. 174].

Напуганные его болезненным состоянием, мальчишки оставили его лежать у проселочной дороги и побежали в аул за фельдшером. Майлыаяк привычно улегся рядом с ним. Гарри равнодушно подумал, что умирает. «Он дотронулся рукой до кончика носа. Холодными были пальцы, а нос – теплый. «Значит, душа еще в теле, не подкатилась к кончику носа», – обрадованно подумал он. Майлыаяк по-прежнему лежал рядом. Сразу прибежавший испуганный отец бережно понес мальчика домой, а за ними бежали мальчишки и преданный пес.

За этим небывало торжественным шествием наблюдал весь аул. У уставшего Гарри было только одно желание – спать. «Я... не умру?», – прошептал он родителям, напуганным его внезапным поступком. «О чем ты говоришь, милый?! Будешь... будешь жить назло всем чертям!», – сказал отец [24, с. 175].

Наутро отец показал проснувшемуся Гарри показавшуюся в окне морду преданного четвероного друга, который словно бы хотел удостовериться в том, что с мальчиком все в порядке. *«Мальчик улыбнулся. И дотронулся рукой до кончика своего носа. Ему почудилось, что все плохое миновало, что он преодолел затянувшуюся хворь, все напасти, себя самого. И, видно ему предопределено жить, коли душа еще не подкатилась к носу...» [24, с. 176].*

Гарри спасло то, что он продолжал ощущать тепло кончика носа – символ теплившейся в нем жизни, дружба с верным другом Майлыаяком и любовь близких ему людей. Старый пес особенно поддерживал в нем своим молчаливым присутствием остатки сил и неумное желание жить. Неожиданно предпринятый поход на земляничную поляну оказался спасительным для его ослабевшего организма и своего рода кризисным моментом, после которого человек умирает или приближается к полному исцелению.

Обычному (биографическому) времени жизни героя в данном рассказе противостоит кризисное (в данном случае – мотив отсроченной смерти), поэтому автор изображает одно только «решающее» событие (победу мальчика, одержанную им над своей болезнью, его огромное желание жить) на фоне кратких сообщений о других, связанных с обычным ходом времени (описание будней послевоенного аула, аульных мальчишек и родителей Гарри).

В произведении завязаны важнейшие сюжетные «узлы» (событийный ряд по мнению В.Я. Проппа): а) болезнь мальчика; б) мысли о возможной смерти; в) постановка задачи перед собой; г) предпринятое испытание и его преодоление; д) обратная дорога домой; е) утреннее пробуждение как возвращение к жизни, надежда на будущее. И, как итог, следует счастливая развязка: выздоровление и будущая долгая жизнь.

Запечатлеваемые в литературе временные и пространственные представления составляют некое единство, которое вслед за М.М. Бахтиным принято называть хронотопом. Из множества названных им тематических хронотопов применительно к рассказу «Земляника степная» можно выделить один – хронотоп порога (сфера кризисов и переломов), повлиявший на дальнейшую судьбу героя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема детства – одна из ведущих и ключевых тем мировой литературы. Тема эта универсальная, не ограниченная рамками какой-либо национальной литературы или конкретного временного периода, хотя в некоторые эпохи она приобретает особое значение. Эта универсальность объясняется тем, что детство – такая же общечеловеческая категория, как и рождение, жизнь, смерть. Явления вечные и присущие всем без исключения людям не могут не получить отражения в литературе.

Отражение мира детства, анализ внутреннего мира ребёнка всё больше привлекает внимание современных исследователей. Тема детства присутствовала в литературе всех эпох, но именно в период романтизма огромную значимость приобретает детство не только отдельной личности, но и человечества вообще.

В классической русской литературе тема детства глубоко и подробно освещена в следующих произведениях: «Детство» Льва Толстого, «Детские годы Багрова-внука» Сергея Аксакова, «Детство Тёмы» Николая Гарина-Михайловского, во многих произведениях Фёдора Достоевского, Антона Чехова и других авторов.

Образ ребёнка присутствует в мировом искусстве и литературе во все времена, однако к началу XXI века его значимость возрастает, он становится центральным. Детство существует в особом месте, с особым ландшафтом, мифологией и культурой, идеологией собственных представлений... По словам исследователя Алексея Алексеевича Грякалова, *«детство является органической данностью с одной стороны, и с другой – продуктом социализирующего воздействия»* [12, с. 91].

Обращение к теме детства в казахской литературе начинается с Ибрая Алтынсарина, затем продолжается в творчестве Мухтара Ауэзова, в наши дни – Саина Муратбекова, Мухтара Магауина и многих других авторов. Прежде чем перейти к отражению темы военного детства в произведениях Герольда Бельгера, мы обратились к творчеству других авторов современной российской и казахской литератур, в произведениях которых звучит данная тема.

Например, Мухтар Магауин в повести «Дети одного отца» обращается к изображению судеб детей, детство которых также пришлось на трагические годы войны. Судьба сирот из детского дома в казахском ауле у него перекликается с судьбой братьев-детдомовцев Кузьмёнышей из повести советского и российского писателя Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая...».

История судеб детдомовских сирот показана авторами без излишней сентиментальности, правдиво, жёстко, без прикрас. Мир детства в обоих произведениях предстаёт более мрачным и трагичным, чем в прозе Герольда Бельгера. Тема депортации народов при Сталине и автобиографичность сюжета сближает Анатолия Приставкина с Герольдом Бельгером.

Альберт Лиханов в повести «Последние холода» обращается к воспоминаниям о своих первых школьных годах в годы Великой

Отечественной войны, с любовью и уважением рассказывает о первой учительнице.

Таким образом, в данной монографии нами выявлены следующие основные признаки, характеризующие обращение автора к исследуемой теме:

1. Изображение национального типа мышления, поведения и отношения казахского этноса в ситуации усыновления и воспитания детей, в общении с представителями других национальностей, большей частью – спецпереселенцами.

2. В прозе Г. Бельгера о военном детстве преобладают светлые тона, потому что тяжёлые военные годы для него облегчены поддержкой и любовью близких людей – родителей.

3. Все аульные впечатления захватывали главных героев Бельгера своей необычностью и новизной.

4. Проявление интереса к казахскому языку, культуре и литературе, отражение темы взаимопроникновения, созвучия культур и духовного родства трех народов.

К основным особенностям языка писателя относятся его обращение к использованию трёхязычия во всех произведениях, монологические отступления, философские рассуждения, живость и образность слога, яркая диалогическая речь юных персонажей, а также присутствие авторской иронии и доброго юмора.

Герольд Бельгер в наше время, когда нередки случаи жестокого поведения современной молодёжи, обращается к теме детства, показывает героев – обычных простых людей в обычных ситуациях, чтобы предостеречь от бессмысленной агрессии и ненависти, вызывать добрые, светлые чувства, учить любви и уважению друг к другу, даёт надежду на лучшее [35, с. 5].

В изученных нами произведениях Герольда Бельгера показана судьба немецкого мальчика, высланного в годы войны с родителями в Казахстан, выросшего в казахском ауле, на берегу Есиля. Вместе с изображением различных событий жизни аула, писатель обращается к важным общественно-политическим проблемам, к проявлению примеров гуманизма и интернационализма, показывает становление характера своего маленького героя.

В условиях тяжелого военного времени крепнет и закаляется характер юного Герольда, постигаются им истины народной мудрости аксакалов, морально-нравственные ценности казахского, немецкого и других народов, познаются первые радости и горести. Изучая язык, литературу и культуру казахов, совершенствуя немецкий и русский языки, обретая верных друзей-тамыров, он обогащает свой опыт, получает новые знания и на всю жизнь проникается любовью и уважением к этому народу, давшему ему ощущение надежности, спокойствия, надежды на лучшую жизнь и признавая его своим родным сыном.

В начале войны вместе с семьей он был выслан в Казахстан, и детство писателя прошло в небольшом ауле, о котором у него остались очень светлые воспоминания. Изменила война и судьбу Герольда Бельгера и его близких.

Вихрь войны занёс их в казахский аул Североказахстанской области. Здесь они были встречены теплом и пониманием местных жителей. Он благодарен им за возможность жить единой семьёй, это помогало выжить в страшное время. Депортация и годы дискриминации не могли не отразиться на его убеждениях. Он тяжело переживает любое насилие над народами. Цена которому – тысячи искалеченных судеб. Согласие между народами стало основным лейтмотивом его творчества.

Детство – самая запоминающаяся пора для каждого человека, и все, что окружало его в эти годы, сохраняется в сознании на всю оставшуюся жизнь. С момента знакомства немецкого мальчика с неведомым для маленького пришельца Казахстаном, начался процесс приобщения будущего писателя к новой Родине. Герои рассказов и повестей Г. Бельгера находят в себе мужество оставаться верными благородным идеалам, никогда не ронять чести и достоинства перед лицом испытаний и несчастий. Сам Герольд Бельгер черпал жизненные силы от солнечного света, провозглашая и в жизни, и в творчестве культ солнца, находя его в общении с разными людьми. Следуя известному американскому фантасту Рэю Бредбери и созвучно своему внутреннему настрою, он придерживался данной истины: «Дух рожден от Солнца, Тело – порождение ночи» [6, с. 5].

Таковы многие персонажи произведений Бельгера, они до последнего вздоха продолжают вести борьбу за достойное существование на земле, следуя своим высоким морально-нравственным принципам и идеалам, мужественно принимая смерть. Они свято верят в то, что непременно «Завтра будет солнце», так будет и не может быть иначе – таков их жизненный принцип, таково кредо и самого писателя.

Обо всём этом много позже сам Г. Бельгер поведаёт в автобиографических повестях «Перед далью», «Завтра будет солнце», романах «Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», «Зов» и во многих рассказах-воспоминаниях, посвящённых далёкой поре детства в казахском ауле военных лет, среди которых «Земляника степная», «Чайки над степью», «Каменный брод» и «Была весна».

Таким образом, основной особенностью этих произведений является изображение событий через призму восприятия событий прошлого и настоящего времени самим автором; взгляд главного героя на окружающую жизнь посредством обращения к пейзажным зарисовкам определил своеобразие сюжета и композиции разножанровых произведений автора, их стилистическую окраску.

В литературе пейзажем принято называть изображение в каком-либо художественном произведении живой и неживой природы. Одна из основных функций пейзажа – обозначение места действия. В данном случае значимость пейзажа заключается в том, что он оказывает, может быть, не всегда заметное, но очень важное воспитательное воздействие на формирование характера человека.

Различные чувства и переживания людей могут соотноситься с определенными состояниями природы: солнце – с радостью, дождик – с

грустью и др., отсюда возникают выражения «душевная буря» или «буря чувств». Нередко пейзажные детали позволяют создавать в литературном произведении определенную эмоциональную атмосферу, а сама природа может стать одним из действующих лиц художественного произведения.

Картины пейзажных зарисовок постоянно присутствуют в разножанровых художественных произведениях известного казахстанского писателя-трилингва Герольда Бельгера. Они перекликаются с настроениями, чувствами, переживаниями, как самого автора, так и его героя – маленького немецкого мальчика Гарри, волею судьбы в шестилетнем возрасте оказавшегося в казахском ауле и со временем полюбившего всем сердцем этот поначалу не совсем понятный, необычный, чуждый ему край.

Через призму восприятия картин природы в художественном произведении происходит приобщение к миру внутренних переживаний человека, а умение размышлять, испытывать различные эмоции в соприкосновении с окружающим миром способствуют его нравственному становлению и развитию эстетических и патриотических чувств. Тема взаимоотношения человека и природы является одной из значимых и востребованных в современном литературоведении.

Таким образом, художественная концепция детства в литературе, обращение писателей к теме детства в своём творчестве, является одной из ключевых проблем современного литературоведения, ведь детство является главным периодом формирования личности человека.

ГЛОССАРИЙ

- А -

АВТОБИОГРАФИЯ – произведение, в котором писатель описывает свою жизнь.

АВТОР – реальная личность, создатель литературного произведения.

АВТОРСКАЯ РЕЧЬ – иносказательное изображение отвлеченного понятия или явления действительности при помощи конкретного образа.

АКТУАЛИЗМ – ощущение времени, при котором настоящее воспринимается как единственная объективная реальность.

АЛЛЕГОРИЯ – вид иносказания. Отвлечённое понятие, воплощённое в конкретном образе: волк – жадность, лиса – хитрость, крест (в христианстве) – страдание и т.п.

АЛЛЮЗИЯ – использование намёка на какой-нибудь хорошо известный факт вместо упоминания самого факта.

АЛЬМАНАХ – сборник литературных произведений различного содержания.

АНТИСИСТЕМА – системная целостность людей с негативным мироощущением.

АРХИТЕКТОНИКА – построение художественного произведения, соразмерность его частей, глав, эпизодов.

АФОРИЗМ – краткое изречение, содержащее в себе оригинальную мысль, житейскую мудрость, нравоучение.

- Б -

БЕЛЛЕТРИСТИКА – художественные прозаические произведения.

БЛАГОЗВУЧИЕ (эвфония) – качество речи, заключающееся в красоте и естественности ее звучания.

- В -

«ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ» – художественный прием, в основе которого противоречие между незначительностью сказанного персонажами и многозначительностью подразумеваемого.

ВДОХНОВЕНИЕ – состояние озарения, творческого подъема.

ВКУС ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ – способность правильного восприятия, самостоятельного осмысления произведений искусства; понимание природы художественного творчества и умение анализировать художественное произведение.

ВНЕСЮЖЕТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ – элементы композиции произведения, не развивающие действия: лирические отступления, вводные эпизоды и описания.

ВОСПОМИНАНИЯ, или **МЕМУАРЫ** – произведения повествовательной литературы о прошлых событиях, написанные их участниками.

ВУЛЬГАРИЗМ – грубое слово, неправильный оборот, не принятый в литературной речи.

ВЫМЫСЕЛ – плод воображения, фантазии писателя.

- Г -

ГЕРОЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ – основное или одно из основных действующих лиц, обладающее отчетливыми чертами характера и

поведения, определенным отношением к другим действующим лицам и жизненным явлениям.

ГИПЕРБОЛА – стилистическая фигура, заключающаяся в образном преувеличении изображаемого события или явления.

ГОВОРЯЩАЯ ФАМИЛИЯ – фамилия персонажа, передающая важную черту его характера.

ГОНОРАР – гонорар литературный – вознаграждение, получаемое литератором за его труд.

ГРОТЕСК – изображение человека, событий или явлений в фантастическом, уродливо-комическом виде.

ГУМАНИЗМ – мировоззрение, при котором высшей ценностью объявляется человек во всех его проявлениях.

- Д -

ДЕТАЛЬ – выразительная подробность произведения, выполняющая художественную функцию, несущая художественную функцию, несущая значительную смысловую и эмоциональную нагрузку.

- Ж -

ЖАНР - исторически сложившееся подразделение совокупности литературных произведений, осуществляемое на основе специфических свойств их формы и содержания.

- З -

ЗАВЯЗКА – событие, с которого начинается развитие действия в произведении.

ЗАИМСТВОВАНИЕ – использование автором приемов, тем или идей другого писателя.

ЗВУКОПИСЬ – приём, заключающийся в подборе таких слов, сочетание которых имитирует в тексте звуки реального мира (свист ветра, шум дождя, щебет птиц и т.п.).

- И -

ИДЕНТИФИКАЦИЯ – самоотождествление читателя с литературными персонажами, его переживание вымышленного мира художественного произведения как конкретно-жизненного, реального.

ИДЕАЛИЗАЦИЯ – изображение чего-либо в лучшем, чем в действительности, виде.

ИДЕЙНЫЙ МИР ПРОИЗВЕДЕНИЯ – область художественных решений. В него включаются авторские оценки и идеал, художественные идеи и пафос произведения.

ИДИОМА – свойственное только данному языку неразложимое словосочетание, значение которого не совпадает со значением составляющих его слов, взятых в отдельности, например русские выражения «остаться с носом», «собаку съел» и т.д.

ИДЕЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ – главная мысль о том круге явлений, которые изображены в произведении; выражается писателем в художественных образах.

ИМПЛИЦИТНЫЙ АВТОР – повествовательная инстанция, не воплощенная в художественном тексте в виде персонажа-рассказчика и воссоздаваемая

читателем в процессе чтения как подразумеваемый. Имплицитный автор – это лишь структурный принцип, организующий все средства повествования, включая повествователя.

ИМПРОВИЗАЦИЯ – создание произведений без предварительной подготовки.

ИНОСКАЗАНИЕ – не прямое, скрытое изображение предметов, явлений, людей.

ИНТЕРЬЕР – описание внутреннего убранства какого-либо помещения. Часто используется для косвенной характеристики персонажа.

ИНТОНАЦИЯ – синтаксическое построение относительно законченного фрагмента художественного текста (фразы, периода, строфы), указывающее на то, как должна звучать художественная речь в этом фрагменте.

ИНТРИГА – развитие действия в сложном сюжете произведения.

ИРОНИЯ – скрытая насмешка.

- К -

КАЛАМБУР – стилистический оборот («игра слов»), основанный на использовании полного звукового совпадения различных слов и словосочетаний.

КАРИКАТУРА – шутовское или сатирическое изображение событий или лиц.

КОММЕНТАРИЙ – истолкование, разъяснение смысла произведения, эпизода, фразы.

КОМПОЗИЦИЯ – структура художественного произведения; расположение и соотношение компонентов формы произведения, образующих художественное целое.

КОНТЕКСТ – существующие нормы и представления, внетекстовая действительность, с которой соприкасается литературное произведение, речевое или ситуативное окружение литературного произведения. Комплекс представления автора о действительности, вызывающий в читателе определенные эмоциональные и интеллектуальные реакции. Виды контекста: литературный, социальный, исторический, биографически-бытовой и др.

КОНТРАСТ – резко выраженная противоположность черт, качеств, свойств человеческого характера, предмета, явления; литературный прием.

КОНФЛИКТ – столкновение, лежащее в основе борьбы действующих лиц в художественном произведении.

КОНЦОВКА – заключительная часть или эпилог литературного произведения.

КРАСОТА – комплекс форм, нравящихся без предвзятости.

КРИТИКА – сочинения, посвященные оценке, анализу и толкованию художественных произведений.

КРЫЛАТОЕ СЛОВО – меткое выражение, ставшее поговоркой.

КУЛЬМИНАЦИЯ – элемент сюжета, высшая точка развития конфликта, момент наибольшего напряжения действия в литературном произведении.

- Л -

ЛАКОНИЗМ – краткость в выражении мысли.

ЛЕЙТМОТИВ – образ, деталь или оборот художественной речи, повторяющийся в произведении, вводимый в текст как способ характеристики героя или ситуации.

ЛИТЕРАТУРА ХУДОЖЕСТВЕННАЯ – область искусства, отличительной чертой которого является отображение жизни, создание художественного образа при помощи слова.

ЛИТОТА – противоположность гиперболе. Намеренно неправдоподобное преуменьшение.

- М -

МАКАРОНИЧЕСКАЯ РЕЧЬ – сочетание в одной фразе двух и более национальных языков; может создавать комический эффект и служить средством характеристики литературного персонажа.

МАСТЕРСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ – умение писателя передавать в художественных образах правду жизни.

МЕТАФОРА – использование слова в переносном значении для описания лица, предмета или явления.

МЕТОД – основные принципы, которыми руководствуется писатель. Художественными методами являлись реализм, романтизм, сентиментализм и др.

МЕТОНИМИЯ – замена в речи слова или понятия другим, имеющим с первым причинную или иную связь.

МИНИАТЮРА – небольшое литературное произведение.

МОНОЛОГ – речь действующего лица, обращенная к собеседнику или самому себе.

МОТИВ – в литературном произведении дополнительные, второстепенные темы, которые в сочетании с основной темой образуют художественное целое.

МОТИВИРОВКА – зависимость всех элементов художественной формы произведения от его содержания.

- Н -

НЕОЛОГИЗМ – новое слово.

НОВАТОРСТВО – внесение новых идей, приемов.

- О -

ОБРАЗ - художественное изображение в литературном произведении человека, природы или отдельных явлений.

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ (прозопопея) – прием, при котором неодушевленные предметы, животные, явления природы наделяются человеческими способностями и свойствами.

ОСТРАНЕНИЕ – описание привычного с неожиданной точки зрения.

ОТКРЫТЫЙ ФИНАЛ – отсутствие развязки произведения.

- П -

ПАРАФРАЗ – пересказ произведения или его части своими словами.

ПАФОС – ведущий эмоциональный тон произведения.

ПЕЙЗАЖ – изображение природы в литературном произведении.

ПЕРСОНАЖ – действующее лицо литературного произведения.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ – лицо, от имени которого ведется рассказ в эпических и лироэпических произведениях.

ПОВЕСТЬ – средняя форма; произведение, в котором освещается ряд событий в жизни главного героя.

ПОРТРЕТ – изображение в художественном произведении внешности персонажа.

ПОСВЯЩЕНИЕ – надпись в начале произведения, указывающая на лицо, которому оно посвящено.

ПОСЛЕСЛОВИЕ – дополнительная часть произведения, в которой содержатся пояснения автора к своему творению.

ПРОБЛЕМА – вопрос, который исследуется писателем в произведении.

ПРОБЛЕМАТИКА – перечень проблем, затронутых в произведении.

ПРОЗА - художественное произведение, изложенное обычной (свободно организованной, а не стихотворной) речью.

ПРОЛОГ – вступление в литературное произведение.

ПРОСТОРЕЧИЕ – слова присущие народной нелитературной речи. Речь малообразованных носителей языка.

ПРОТОТИП – реальный человек, чья жизнь и характер нашли отражение при создании писателем литературного образа.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ФОРМА – тип эстетического видения в литературе и искусстве 20 века, при котором смысловое единство изображенных событий раскрывается не в порядке временной, причинной последовательности, а синхронно, по внутренней рефлексивной логике целого, в «пространстве» сознания. Таким образом, центр тяжести переносится на внутренние соотношения языковых и смысловых структур, подчиненных фрагментарно - ассоциативному принципу изображения и восприятия образа.

ПОДТЕКСТ – неявный смысл высказывания, возникающий при соотношении прямого смысла текста с контекстом и речевой ситуацией.

ПСЕВДОНИМ – вымышленное имя или фамилия писателя.

ПУБЛИЦИСТИКА – совокупность художественных произведений, отражающих общественную и политическую жизнь общества.

- Р -

РАЗВЯЗКА – положение действующих лиц, которое сложилось в произведении в результате развития изображенных в нем событий; заключительная сцена.

РАССКАЗ – художественное произведение малой формы, описывающее завершённое событие; прозаическое эпическое произведение небольшого объема, часто неотличимое от новеллы.

РЕДАКЦИЯ – один из вариантов текста произведения.

РЕЗОНЕР – «сторонний наблюдатель» в произведении выражающий авторскую точку зрения на события и действующих лиц.

РЕМАРКА – пояснение автора по поводу того или иного персонажа, обстановки действия, предназначенное для актеров.

РЕПЛИКА – ответ одного персонажа на речь другого.

РЕЦЕНЗИЯ – критический отзыв о каком-нибудь произведении. Рецензия бывает отрицательная или положительная.

РОД ЛИТЕРАТУРЫ – деление по основополагающим признакам: драма, лирика, лироэпика, эпос.

РОМАН – большая форма; произведение, в событиях которого обычно принимает участие много действующих лиц, чьи судьбы переплетаются.

Романы бывают философские, приключенческие, исторические, семейно-бытовые, социальные.

- С -

САРКАЗМ – язвительная насмешка.

САТИРА – художественные произведения, в которых высмеиваются порочные явления в жизни общества или отрицательные качества отдельного человека.

СОБЫТИЕ – разрыв системных связей.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ – соответствие морали и этики.

СРАВНЕНИЕ – определение явления или понятия в художественной речи при помощи сопоставления его с другим явлением, имеющим с первым общие признаки.

СТИЛЬ – совокупность основных идейно-художественных особенностей творчества писателя.

СЮЖЕТ – основные эпизоды событийного ряда в их художественной последовательности.

- Т -

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ – история создания художественного произведения.

ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС – работа писателя над произведением.

ТЕМА – объект художественного отражения.

ТЕМАТИКА – совокупность тем произведения.

ТЕНДЕНЦИЯ – идея, вывод, к которому стремится привести читателя автор.

ТЕЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ – творческое единство писателей, близких друг другу по идеологии, восприятию жизни и творчества.

ТИП – художественный образ, в котором отражены основные характерные черты определенной группы людей или явлений.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ – такой выбор повествовательной инстанции, который исключает авторское вмешательство в описываемые события. Рассказчик погружен в одного или нескольких персонажей, растворяя себя в точке зрения персонажа. Автор не вторгается в повествование, а присутствует в нем структурно. Точка зрения не равнозначна средствам выражения, она означает только перспективу, в терминах которой реализуется выражение. Перспектива и выражение не обязательно совмещаются в одном и том же лице.

ТРОП – оборот речи, состоящий в употреблении слова или выражения в переносном значении, смысле.

- Ф -

ФАБУЛА – сюжетная основа литературного произведения.

ФИГУРА СТИЛИСТИЧЕСКАЯ – необычный оборот речи, к которому прибегает писатель для усиления выразительности художественного слова.

- Х -

ХАРАКТЕР – художественный образ человека, обладающий ярко выраженными индивидуальными чертами.

- Ц -

ЦИКЛ – ряд художественных произведений, объединенных одними и теми же действующими лицами, эпохой, мыслью или переживанием, а также совокупность литературных произведений, объединенных самим автором по

жанровому или тематическому принципу, в котором художественный смысл целого не является простой суммой смыслов отдельных его составляющих.

- Э -

ЭВФЕМИЗМ – замена в поэтической речи грубых выражений более мягкими.
ЭЗОПОВ ЯЗЫК – иносказательный, замаскированный способ выразить свои мысли.

ЭКСПОЗИЦИЯ – вступительная, исходная часть сюжета; в отличие от завязки не влияет на ход последующих событий в произведении.

ЭПИГРАФ – короткий текст, помещенный в начале произведения и поясняющий замысел автора.

ЭПИЗОД – одно из связанных между собой событий в сюжете, имеющее более или менее самостоятельное значение в произведении.

ЭПИЛОГ – заключительная часть произведения, кратко сообщающая читателю о судьбе героев.

ЭПИТЕТ – образное определение.

ЭССЕ – произведение эпического жанра, содержащее субъективные, нетрадиционные рассуждения автора, не претендующие на исчерпывающую характеристику и глубокую изученность поднятой проблемы. Эссе отличается свободной композицией и установкой на образный, афористичный язык, на беседу с читателем.

- Ю -

ЮМОР – вид пафоса, основанный на комическом. В отличие от сатиры юмор не отвергает и не высмеивает комическое в жизни, а принимает и утверждает его как неизбежную и необходимую сторону бытия. Юмор является выражением жизнерадостности, здорового оптимизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Амалбекова, М.Б. Феномен билингвальной личности публициста (лингвокогнитивный и сопоставительный аспекты) [Текст]: автореф. дис. ... докт. фил.наук/ М.Б. Амалбекова. – Астана. – 2010. – 38 с.
- 2 Ананьева, С.В. Творчество Герольда Бельгера в контексте современного литературного процесса [Текст]/С.В. Ананьева, Л.М. Бабкина. – Алматы: Школа XXI века, 2004. – 199 с.
- 3 Ананьева, С.В. Трагические страницы прошлого и депортация немецкого народа в романах Герольда Бельгера [Текст]/С.В. Ананьева // Материалы XIII международной научной конференции «Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков». 20–24 октября 2010 г. – М.: Российско-немецкий дом. – С. 23-25.
- 4 Аннинский, Л. Круг бытия Альберта Лиханова: заметки о прозе писателя [Текст]/ Л. Аннинский. – М.: Детство. Отрочество. Юность, 2012. – 109 с.
- 5 Астафьев, В.П. Последний поклон: повесть в рассказах [Текст] / В.П. Астафьев. – М.: ЭКСМО, 2006. – 848 с.
- 6 Ауэзов, М. Он вселял в людей надежду [Текст]/ М. Ауэзов // «Байтерек». – 2010 г. – № 2. – С. 4-5.
- 7 Бадиков, В. Да будут светлыми его печали (к 70-летию Г.К. Бельгера) [Текст]/ В. Бадиков // Нива. – 2004. – № 10. – С. 175-184.
- 8 Бахтин, М.М. Формы времени и хронотоп в романе [Текст] / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. – М.: Художеств. лит., 1975. – 502 с.
- 9 Бекмухамедов, Х.А. Влюбленные в свою профессию [Текст]/ Х.А. Бекмухамедов// Алматы: Открытая школа. – 2007. – № 8. – С. 50-52.
- 10 Бельгер Герольд Карлович [Текст]: крат. биогр. справка / Г.К.Бельгер // Литература Казахстана: Энциклопедический справочник. – Алматы: Аруна, 2010. – С. 112.
- 11 Бельгер Герольд Карлович [Текст]: крат. биогр. справка / Г.К.Бельгер // Северо-Казахстанская область: Энциклопедия. – 2-е изд., доп. – Алматы: Арыс, 2006. – С. 177.
- 12 Богданова, Е.В. Проблема реконструкции языковой личности автора в художественных произведениях дневникового жанра [Текст] / Е.В. Богданова // Вестник Московского университета. – 2009. – Серия 19. – № 4. – 89-96 с.
- 13 Бельгер, Г. За шестью перевалами. Повести, рассказы [Текст] / Г. Бельгер. – Алма-Ата: Жазушы, 1977. – 187 с.
- 14 Бельгер, Г. Мотивы трех струн [Текст] / Г. Бельгер. – Алма-Ата: Жазушы, 1986. – 112 с.
- 15 Бельгер, Г. Завтра будет солнце: повести и рассказы [Текст] / Герольд Бельгер. – Алма-Ата: Жазушы, 1992. – 381 с.
- 16 Бельгер, Г. Аул [Текст] Г. Бельгер // Мысль. – Алматы, 2002. – № 9. – С. 41-50.

- 17 Бельгер, Г. Дом скитальца [Текст] / Г. Бельгер. – Астана: Баспаса, 2003. – 376 с.
- 18 Бельгер, Г. Туяк су: роман [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 246 с.
- 19 Бельгер, Г. Автобиографические эскизы [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: Жибек жолы, 2004. – 117 с.
- 20 Бельгер, Г. Дождь со снегом. Рассказы и миниатюры [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: Атамұра, 2005. – 360 с.
- 21 Бельгер, Г. Плетенье чепухи [Текст] / Г. Бельгер // Евразия. – 2004. – № 5. – С. 78-91.
- 22 Бельгер, Г. Волк, Чапа и другие [Текст] / Г. Бельгер // Простор. – 2013. – № 10. – С. 33-53.
- 23 Бельгер, Г. Эль [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: Ғылым, 2005. – С. 23-26.
- 24 Бельгер, Г. Земляника степная [Текст] / Г. Бельгер // Тан-Шолпан. – 2006. – № 2. – С. 166-176.
- 25 Бельгер, Г. Те скорбные дни (из дневника) [Текст] / Г. Бельгер // Нива. – 2006. – № 12. – С. 4.
- 26 Бельгер, Г. Тень дней минувших. Дневники 1961-1989 годов [Текст] / Г. Бельгер // Простор. – 2007. – № 2. – С. 115-136.
- 27 Бельгер, Г. Каменный брод [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: Балалар әдебиеті. – 2009. – 325 с.
- 28 Бельгер, Г. Зов. Роман-исповедь [Текст] / Г. Бельгер. – Астана: Аударма, 2010. – 520 с.
- 29 Бельгер, Г. Сборник национального духа [Текст] / Г. Бельгер // Простор. – 2004. – № 11. – С. 176-186.
- 30 Бельгер, Г. Из дневниковых записей [Текст] / Г. Бельгер // Простор. – 2010. – № 12. – С. 66-91.
- 31 Бельгер, Г. Мотивы трех струн [Текст] / Г. Бельгер. – Алматы: Жазушы, 1986. – 112 с.
- 32 Бельгер, Г. Родство: Статьи и очерки [Текст] / Г. Бельгер. – Алма-Ата: Қазақстан, 1991. – 256 с.
- 33 Бельгер, Герольд. Избранное. Сочинения: в 10 т. Т. 9. Воздух времени. Критика [Текст] / Герольд Бельгер. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2012. – 432 с.
- 34 Бельгер, Г. Все, что смог... Библиография [Текст] / Герольд Бельгер. – Алматы: Галым, 2014. – 248 с.
- 35 Дандыгулов, А. Бельгер, которого мы не читали [Текст] / А.Дандыгулов // Новая газета. – 2015. – 12 февраля. – С. 3-5.
- 36 Закирьянов, К.З. Концептосфера в перспективе межкультурной коммуникации [Текст] / К.З. Закирьянов, В.И. Убийко // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и межкультурные коммуникации: сб. науч. тр. Башкир, гос. ун-т. – Уфа, 1999. – С. 28-30.
- 37 Жиндеева, Е.А. Специфика пространственно-временной организации повестей А.И. Приставкина «Ночевала тучка золотая» и «Кукушата, или Жалобная повесть для успокоения сердца»: сравнительно-

- сопоставительный аспект [Текст] / Е.А. Жиндеева, А.Ю. Соболева (Маркочева) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология Искусствоведение. – Вып. 62. – 2012. – № 2 (256). – С. 12-16.
- 38 Ескуатова, Ж. Герольд Бельгер [Текст]/ Ж. Ескуатова. – Алматы: Издательский дом «Қазақстан», 2003. – 272 с.
- 39 История французской литературы [Текст]: отв. редактор Н.И. Балашов. – М.: Наследие, ИМЛИ им. А.М. Горького, 1995. – 928 с. – С. 382.
- 40 Зейферт, Е. «Дом скитальца» Г. Бельгера: книга-музей [депортация немцев с Поволжья] [Текст] / Е. Зейферт// Нива. – 2005. – № 6. – С. 127.
- 41 Зейферт, Е. Исповедальные беседы с Г. Бельгером [Текст] / Е. Зейферт// Провинция. – 2006. – № 1. – С. 39.
- 42 Зейферт, Е. Исповедальные беседы с Герольдом Бельгером [Текст] Е. Зейферт // Евразия. – 2005 – № 6. – С.103-119.
- 43 Зейферт, Е. Переводимая игра слов, или Вес литературного золота [Электронный ресурс] / Е. Зейферт. – 2009. – 29 января. – URL: www.zonakz.net/blogs/user/abdraman-xotar1902/4304.
- 44 Кемелбаева, А. «Мне дорог нынешний мой день» [Текст] /А. Кемелбаева // Астана плюс. – 2009. – № 12. – С. 40-45.
- 45 Какен А. Познать язык – поднять державу (О книге Герольда Бельгера «Казахское слово») [Текст] / А. Какен // Нива. – 2010. – № 4. – С. 145.
- 46 Кон, И.С. Ребенок и общество [Текст] / И.С. Кон. – М.: «Академия», 2003. – 336 с.
- 47 Корабаева, А.А. Переводческое мастерство Г.К. Бельгера: теория и практика [Текст]/: автореф. дис. ... канд. фил. наук/ А.А. Корабаева. — Астана. – 2010. – 26 с.
- 48 Кусаинова, А.М. Концепт *судьба* в творчестве трёхязычного казахстанского (поликультурного) писателя Герольда Бельгера [Текст]/: дис. ... канд. фил. наук / А.М. Кусаинова. – Челябинск. – 2012. – 212 с.
- 49 Литература народов Казахстана [Текст]: монография / ред. С.А. Каскабасов. – Алматы: НИЦ «Ғылым», 2004. – 352 с.
- 50 Лиханов, А. Последние холода. Повести [Текст]/ А. Лиханов. – М.: Детская литература, 2015. – 285 с.
- 51 Лиханов, А. Слётки. Повести [Текст]/ А. Лиханов. – М.: Детская литература, 2010. – 384 с.
- 52 Магауин, М. Дети одного отца [Текст] / М. Магауин // Перевал. –Алма-Ата: Жалын, 1982. – 201 с.
- 53 Муканов, К. Перекличка через века и расстояния: о книге Г. Бельгера «Гармония духа» [Текст] / К. Муканов// Северный Казахстан. – 2004. – 3 сентября. – С. 8.
- 54 Муканова, Г. Феномен Герольда Бельгера [Текст] / Г. Муканова// Северный Казахстан. –2008. – 24 октября. – С. 6 .
- 55 Нурсеитова, Т. Герольд Бельгер: Я хотел бы, чтобы у меня судьба была как у Гёте [Текст] / Т. Нурсеитова // «Zakon. kz». – 2015. – 27 января. – С. 5. – URL: www.zakon.kz информационный портал.

- 56 Павлова, Н.И. Образ детства – образ времени [Текст]: монография / Н.И. Павлова. – М.: Детская литература, 1990. – 143 с.
- 57 Приставкин, А. Ночевала тучка золотая: Повесть [Текст] / А. Приставкин. – М.: Художественная литература, 1989. – 255 с.
- 58 Прилепин, З. Санька [Текст] / З. Прилепин. – М.: Издательство «Ad Marginem», 2006. – 368 с.
- 59 Теория литературы [Текст]: учебник для вузов / В.Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2005. – 405 с.
- 60 «Трёхязычие как проблема современности»: материалы вузовской конференции, посвящённой творчеству современного казахстанского поликультурного писателя Герольда Бельгера. 8 февраля 2011 года [Текст] / Отв. ред. А.М. Кусаинова. – Костанай: Костанайский филиал ГОУ ВПО «ЧелГУ», 2011. – 64 с.
- 61 Турсунов, Е. Свой среди чужих [Электронный ресурс] / Е. Турсунов. – Forbes.kz. – 2014. – 15 октября. – С. 3-5. – URL: www.ForbesKazakhstan.com.
- 62 Шашкова, Л. Три полнозвучные струны: Культура. Общество. Личность. Герольд Карлович Бельгер [Текст] / Л. Шашкова // Нива. – 2003. – № 7. – С. 134.
- 63 Шестериков, В. Аул, запавший в душу на всю жизнь [Текст] / В. Шестериков // Северный Казахстан. – 2004. – 25 октября. – С. 5.
- 64 Шиленко, О. Помни милый свой эль: книги наших земляков: Г.К. Бельгер и его книжка-эссе «Эль» [Текст] / О. Шиленко // Северный Казахстан. – 2006. – 29 ноября. – С. 7.
- 65 Эпштейн, М. Образы детства [Текст] / М. Эпштейн, Е. Юкина // Новый мир. – 1979. – № 12. – 242-257 с.

Биографическая справка о личности Герольда Бельгера

Герольд Бельгер родился в 1934 году в г. Энгельсе, тогдашней столице АССР Немцев Поволжья, и о своих далеких предках знал не много. Доподлинно известно ему было только, что его прадеды в XVIII веке обосновались в приволжской немецкой колонии Кинд, а позже значились среди основателей дочерней колонии Мангейм. Скончался в 2015 году в Алматы.

Его дед по отцовской линии в 1921 году умер от голода. У него было семеро детей. «Все они были рослые, статные, длинноногие, светлоглазые – дядя Генрих, Вильгельм, Фридрих, Христиан, отец Карл, тети Эмилия и Гермина. Все отцовские братья погибли в трудармии, сестры умерли в Павлодаре, отец покоится в Ташкенте. В сущности, после депортации 1941 года у всех трагическая судьба. Их боль сконцентрировалась в моей душе», – писал Бельгер.

«Воспоминания мои о немецких селах, конечно, детские, куцые, отрывочные, но теплые и добрые. Собственно, я бывал только в Мангейме, Зихельберге, Солянке и Гнаденфлюре», – пишет о своей родине в Поволжье автор [Ескуатова 2003: 22].

В 7-летнем возрасте вместе со всеми немцами Поволжья он был депортирован в Восточный Казахстан. Семья Бельгеров из четырёх человек оказалась единственной немецкой семьёй в казахском ауле, располагавшемся возле реки Ишим (Есиль). Герольд Карлович с отличием окончил среднюю школу на казахском языке, потому что в русскую надо было ходить за многие километры. Бельгеру не дали золотую медаль из-за того, что он был из семьи спецпереселенцев. Спецпереселенцы не могли выезжать из мест своего поселения без паспорта, поэтому в институт поступил через год после окончания школы, проработав в ней лаборантом. После многочисленных мытарств, благодаря искренней помощи ректора вуза Героя Советского Союза Малика Габдуллина и второго секретаря ЦК комсомола Казахстана, друга отца Г. Бельгера А.Ф. Шалова, которые рисковали не только своей карьерой, он с отличием окончил в 1958 году русско-казахское отделение литературного факультета Казахского педагогического института имени Абая в Алматы, затем аспирантуру. Работал вместе с женой-филологом Раисой Хисматулиной учителем в сельской школе в Жамбылской области. Вернувшись в Алматы в 1960 году, зная три языка и обладая писательским талантом, не заниматься переводами он просто не мог. Переводить – значит знакомиться с авторами, что позволяло расширить круг общения. В то время это были маститые известные писатели, а также молодые и талантливые, многие из которых сейчас стали классиками.

В середине 60-х годов он стал писать прозаические произведения, которые потом стали появляться в русском, а затем в авторизованном переводе на казахском и немецком языках. Работал в литературном журнале «Жулдыз», с 1964 года является писателем и переводчиком. С 1971 года – член Союза

писателей Казахстана. С 1992 года был заместителем главного редактора немецкоязычного альманаха «Феникс». В 1994-1995 годах – депутатом Верховного Совета Республики Казахстан.

Г. Бельгер более 40 лет писал и переводил на трёх языках.

В течение многих лет его произведения регулярно выходили в казахстанских, немецких и русских изданиях. Среди современных писателей Казахстана Бельгер по многим причинам занимает особое место. Во-первых, потому что в совершенстве владел тремя языками и являлся переводчиком.

В настоящее время его перу принадлежат свыше 73 книг и более 2000 публикаций (эссе, статей) на трех языках в периодической печати. В 2010 году, к 75-летию юбилею автора, опубликован десяти томник его произведений, как в Казахстане, так и в Германии. Заслугой Герольда Бельгера является то, что в своем творчестве он осветил тему депортации немцев Поволжья в Центральную Азию во время Великой Отечественной войны и проследил их дальнейшую судьбу, в частности, их интеграцию в Казахстане. Им опубликованы книги и статьи на эту тему на русском, казахском и немецком языках. Одним из самых знаменитых произведений Герольда Бельгера является очерк-эссе «Гете и Абай», созданный им в 1989 году, в котором он сравнивает произведения и философию великого немецкого поэта Гете и великого казахского просветителя Абая. Как писатель и член Союза писателей Казахстана, всю свою жизнь он считал себя ответственным за сохранение немецкоязычной литературы и взаимопонимание между народами, поэтому его творчество является своего рода мостом между Казахстаном и Германией.

Объем трудов писателя был настолько велик, что в 2000-х годах он сдал в Архив Президента РК множество документов. Среди них биографические материалы, выступления, доклады, статьи, очерки, заметки, дневниковые записи, рассказы, повести, романы, рукописи переводов произведений с казахского на русский, а также письма известных общественных деятелей, активистов в среде российских немцев, писателей и поэтов Лео Вайдмана, Александра Гассельбаха, Ивана Кроневаляда, Александра Реймгена и другие документы.

Г. Бельгер являлся видным общественным деятелем Казахстана, входил в общественный Совет по национальным вопросам при Президенте РК. Писательская деятельность такого масштаба и значения не могла остаться незамеченной для руководителей государства. В советские времена Герольд Карлович был удостоен Почетной грамоты Президиума Верховного Совета КазССР, звания «Заслуженный работник культуры Казахской ССР», премии Союза писателей Казахстана имени Беимбета Майлина. В 1992 году, после обретения Республикой Казахстан независимости, он стал лауреатом Президентской премии мира и духовного согласия, также его заслуги были отмечены орденом «Парасат» (1994), премией Казахстанского международного ПЕН-клуба (1996), премией «Тарлан» (2002).

В марте 2010 года посол ФРГ Райнер Шлагетер вручил орден «За заслуги перед Федеративной Республикой Германией» Герольду Бельгеру за его

особый вклад в развитие взаимопонимания между народами Германии и Казахстана.

Теперь о творчестве самого Бельгера пишут монографии, статьи, защищают диссертации. Он много работал, выпуская иногда по несколько книг в год. Герольд Карлович – феномен нашей многонациональной культуры и литературы, и его появлению способствовало совпадение нескольких предпосылок.

Благодаря ему русскоязычные читатели смогли познакомиться с творчеством Беимбета Майлина, Габита Мусрепова, Абиша Кекильбаева, Абу Сарсенбаева, а также многих немецких писателей. Кроме того, Герольд Карлович является летописцем истории казахской литературы, создав целую библиотеку произведений о поэтах и прозаиках. Среди них «Земные избранники» (Гете, Абай), «Этюды о переводах Ильяса Джансугурова», «От него исходил добрый свет» (Габит Мустафин), «Нравственная память прозаика» о Дукенбае Досжане и многие-многие другие. Одна из книг – «Жизнь – эпопея» – пополнила это собрание трудов. Не зря же казахи его зовут Гер-ага, выражая тем самым особую дань уважения за его заслуги в казахской литературе.

Бельгер также является автором многих романов и повестей, рассказов. Среди них «Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», «Карл Бельгер – мой отец», «Зов».

А.М. Кусаинова

**Тема детства в современной литературе и творчестве
Герольда Бельгера**

Формат 60x84 1/16

Бумага офисная.

Печать цифровая

5,375 усл. печ. л.

Тираж 100 экз.

Отпечатано: ТОО «New Line Media»
г. Костанай, пр. Аль-Фараби, 115, оф. 512
тел.: 8(7142) 53-11-47, 53-06-71
e-mail: geosprint@mail.ru